

ПАЛАЧИХА для ДРАКОНА.

Ложная жена опального рода

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВ

Александр Витальев

Палачиха для дракона.
Договор чести

«Автор»

2026

Витальев А.

Палачиха для дракона. Договор чести / А. Витальев — «Автор», 2026

Риана — придворная палачиха в маске, которую наняли за чужие смерти, и она еще помнит голос того, кого сегодня не донесла до плахи. Радан Кейл, драконий командор северной стражи, подписал смертный приговор любимому человеку Рианы и уверен, что этим спас ей жизнь. Когда его обвиняют в тайном договоре с врагом, единственный разрешенный законом способ снять подозрение — публичный брачный контракт «долга и чести», по которому палачиха входит в его дом как заложница чести. Каждая ночь под одной крышей вынуждает командора называть имена тех, кому он отдавал приказы, и каждое названное имя оставляет след на коже Рианы. Ей предстоит решить: отомстить за казненного, вести реестр новых смертей или впервые выбрать свою жизнь.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	5
Глава 2. Разговор после совета	11
Глава 3. Разговор после совета	18
Глава 4. Печать на ладони	25
Глава 5. Печать на ладони	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Витальев

Палачиха для дракона. Договор чести

Глава 1. Письмо на столе

Свечной огарок оплыл до самого блюдца. Я подвинула его пальцами, чтобы воск не залил край гербовой бумаги. В съемной комнате над дворовой кухней пахло холодным жиром, дымом и чужим хлебом, но стол я держала чистым — это была моя единственная роскошь после казни. На столе лежало письмо из башни печатей с сургучом, который я уже надломил. Оно пахло казенной пылью и дорогими чернилами. Я пришла не отдыхать. Я пришла сверить имя.

Имя в реестре я знала наизусть: Лар Веш, мой младший брат, осужденный за переписку с северными сепаратистами. Я вела строку по алфавиту, по дате, по слотам, как требует гильдия, чтобы не сортировать по жалости. Лар стоял на букве «В», под номером семь, через одну строку после незнакомого офицера и за день до казни советника. Я хотела проверить одно — кто подписал приговор. Писарь башни иногда путал подписи, особенно если ему платили ночью. Я хотела знать, чья рука вывела «утверждаю» напротив моего брата. Подпись стояла: Радан Кейл. Его рука.

Медная монета за эту ночь лежала отдельно, в жестяной коробке, где я хранила жалованье. Я отсчитала три положенных за Лара, и одна монета упала на пол. Я подняла, положила в общую кучу, записала в тайный лист углем: «Л. Веш, к. Р. Кейл». Реестр пах моими руками, и это было правильно. Я закрыла кожаную тетрадь, прижала ладонью и долго не отпускала.

Дверь снизу скрипнула. Я услышала шаги Таи — она возвращалась с ночной смены, и каблуки у нее стучали по грязным ступеням, как чужие кости. Она вошла без стука, бросила мокрый плащ на сундук и остановилась у стола. В свечном отблеске я увидела, как у нее дрогнули губы. Она не знала, что я палачиха. Она думала, что я пишу отчеты в гильдии. Я носила эту ложь под кожей второй год.

— Ты чего не спишь? — спросила Тая, не глядя на письмо. — Завтра к первому колоколу в кухню, мать Олег Корма опять будет орать на посудомоек.

— Считаю, — ответила я. — Мелочь. Садись.

Тая села на край лавки. Я накрыла письмо чистой тряпкой, чтобы она случайно не увидела сургуч с гербом тайной канцелярии. Мне не хотелось врать ей в эту ночь. Я уже знала, что ночь будет длинной. Тая придвинулась ближе и шепотом сказала:

— В кухне опять говорят, что наш командор изменник. Варг Седой наорал на писаря за то, что тот записал в рапорт его фамилию рядом с чужой. Говорят, у него нашли письмо от северных. Я слышала от Брины, когда меняла ему воду.

— Варг не умеет молчать, — ответила я. Варг Седой не умел молчать, зато умел прятать рапорты под собственную подпись. Я подумала, не тот ли это случай.

Я налила Тае полкружки холодного травяного отвара и подвинула хлеб. Мы ели молча. За стеной кто-то возился с ведром, и звук стоял такой, будто в доме перетаскивали кости. Тая доела, посмотрела на меня странно — как смотрят на тех, кого любят и немного боятся — и ушла к себе. Я осталась одна.

Я развернула письмо из башни печатей. Оно было коротким, на одну строку. Совет вызывал меня свидетельницей по делу командора Радана Кейла, подозреваемого в тайном договоре с врагом. Под вызовом стояла подпись Ларвы Тень — старшего следователя тайной канцелярии. Я знала его почерк: округлый, как у писца, который привык ставить точку в чужой жизни. Ниже приписка: «Явиться с реестром казней за последние три года». Меня вызывали как сви-

детельницу. Совету нужен был мой реестр, а не мои показания. Им нужны были имена, а за имена на черном рынке платили.

Я задула свечу и долго сидела в темноте. На столе белел чистый край гербовой бумаги. Утром мне нужно было встать до колокола, идти в кухню Олега Кормы, кормить гарнизон и не подать виду, что я знаю, чья подпись стоит напротив имени моего брата. Договор долга и чести я подпишу сегодня. Этой ночью я закрыла реестр и впервые услышала, что приказ подписан лично драконьим командором.

До первого колокола оставалось меньше часа. Я спустилась в нижний коридор с чужим ведром в руке. Пересчитала медяки на ходу: три за Лара, один за советника, два за офицера, чьего имени я даже не запомнила. Жалованье за смерть пахло медью и остывшим жиром. Это был запах моей профессии.

В кухне было тесно и жарко. Олег Корма орал на посудомоек так, будто они были винюваты в том, что у гарнизона кончилась соль. Тая стояла у чанов и драила котлы с такой яростью, словно хотела оттереть собственное лицо. Я поставила ведро, повесила чистую тряпку на гвоздь у двери — мою, отдельную, для реестра — и встала к разделочному столу.

— Руки, — бросил Олег, не оборачиваясь.

Я вымыла руки в тазу с горячей водой, вытерла чистым полотенцем. На мне поверх платья была серая рабочая рубаша без швов, которые цеплялись бы за нож. Маску я оставила дома в жестянке, завернутую в пропитанную кровью кожу. Маска не для кухни.

Повар подал мне нож и связку репы. Я взялась за работу, чтобы руки не дрожали. В голове стояло письмо, как заноза. Ларва Тень вызывал меня в совет не за правдой — он хотел реестра. Я знала цену этим строкам: за имя из реестра на черном рынке платили больше, чем за саму казнь. Если принесу тетрадь в совет, меня купят или сломают. Если не принесу — обвинят в укрывательстве.

К десятому удару колокола кухня стала похожа на военный плац. Офицеры заходили гуськом, стуча подносами. Я кормила их молча, не поднимая глаз. Тая сновала мимо меня с половником, и каждый раз, когда она наклонялась, я видела на ее запястье синяк от вчерашнего ведра.

В дверях кухни появился Варг Седой. Мокрый от снега, злой, как человек, которому не заплатили вовремя. Он оглядел меня так, словно видел впервые, и подошел к раздаче.

— Палачихе кланяются или не кланяются? — спросил он у Олега.

Я не подняла голову. Нож стучал по доске ровно, и я намеренно не сбилась с ритма. Варг взял поднос, постоял лишнюю минуту и ушел к офицерскому столу. Тая посмотрела на него так, как смотрят на человека, которому хотят плеснуть кипятком в лицо.

— Варг не умеет молчать, — тихо сказала я Тае, когда она прошла мимо с котлом.

— Он не умеет думать, — ответила она.

После раздачи я вышла во двор, чтобы отнести объедки Брину Ушастому в каземат. Брин сидел у двери своей каморки и перебирал ключи. Маленький, тихий, пах тюремной сыростью. Увидел меня, отставил связку и молча протянул плошку с горячей кашей, которую я не просила. Я взяла: отказ его обидит.

— Сегодня в совете будут спрашивать про командора, — сказал он, не глядя на меня. — Я слышал, как писарь из башни готовил ему место.

— Я знаю, — ответила я. — Меня вызвали свидетельницей.

Брин поднял голову, и в его глазах было то выражение, которое я видела у тюремщиков после третьей казни: усталость без права жаловаться.

— Ты смотри, девка, — сказал он тихо. — Ларва Тень не из тех, кто спрашивает. Он из тех, кто записывает.

Я кивнула и пошла обратно. На столе в кухне уже стоял новый поднос с грязной посудой. Мне нужно было успеть вымыть до прихода инспектора с проверкой. Инспектор был мелкой

сошкой из хозяйственного приказа, но имел право переписать всех, кто находится в доме. Я попадала в опись как работница кухни. Если спросит имя — назову. Если спросит ремесло — промолчу. Закон разрешал молчание госте под подпиской.

Я мыла тарелки, когда дверь в кухню открылась снова. На пороге стоял Радан Кейл. Без ремня, в простой серой рубаше, волосы мокрые от снега, как у человека, который не спал всю ночь. Он оглядел кухню, и я почувствовала, как мое тело напряглось раньше, чем я успела подумать.

Он подошел к раздаче, положил передо мной на стол чистый лист бумаги и чернильницу.

— Заложница чести, — сказал он тихо, и голос у него был такой, будто слова царапали ему горло. — Подпишешь сегодня?

— Подпишу, — ответила я, не глядя на него.

— Условия прежние. Крыша, стол, доступ к реестру приказов при двух свидетелях. Выезд только с разрешения стражи и печатью канцелярии. Срок — до вердикта совета.

Я посмотрела на его руки. На правой, у большого пальца, была старая мозоль от пера. Этой мозолью он подписал смерть моего брата.

— Маску и кинжал сдашь страже, — продолжал он. — Вернут только по решению совета или гильдии. Доступ в архив открою завтра утром.

Я молчала. За моей спиной Тая перестала греметь посудой и смотрела на нас так, как смотрят на людей, которые говорят слишком тихо о слишком важном.

— Если хочешь отказаться, скажи сейчас, — закончил он.

— Я не хочу отказываться, — ответила я. — Я хочу видеть реестр.

Он кивнул, сухо, как кивают человеку, которому предстоит заплатить. Развернулся и ушел, не притронувшись к еде. Я стояла с мокрыми руками над тарелкой, и соль щипала кожу под ключицей — там, где этой ночью должна была проступить первая буква чужого имени. Пока ничего не было. Это означало только одно: договор еще не подписан.

В полдень я поднялась к себе, достала из-под матраса жестянку, развернула пропитанную кровью кожу и впервые за утро взяла в руки маску. Она была холодная и тяжелая, с гильдейской печатью на затылке. Я проверила печать пальцем — целая, не тронутая. Положила маску обратно, завернула и отнесла вниз, к стражнику у ворот. Он принял, расписался в книге, поставил печать. Кинжал у меня забрали сразу после, взвесили на безмене и записали номер. Без маски и кинжала я юридически не могла исполнить ни одной казни. Следующий приговор в моем реестре запишет себе кто-то другой.

К вечеру по двору пошел слух, что на крыльце дома стоит кибитка с гербом казначейства, и Исса Даль собирается войти. Тая услышала первой и прибежала ко мне в кухню с лицом человека, которому наступили на любимую кошку.

— Она здесь, — сказала Тая. — Невеста его.

Я вытерла руки, посмотрела в окно, где на мокром снегу уже стояли следы чужих каблучков, и пошла встречать гостью у порога. Встречать чужих жен у чужого порога — это была моя новая работа. Я еще не подписала договор, но уже знала, что подпишу.

Исса Даль вошла в дом так, как входят люди, привыкшие, что для них открывают. Плечом вперед, не оглядываясь, и каблучки по мокрому камню — отрывисто, как удары маленького молоточка. За ней шла служанка с коробом, в котором что-то звякало. От обеих пахло чужими духами, сладкими и казенными, какими пахнут подарки не от чистого сердца.

Я стояла у порога с полотенцем в руках, потому что мыла котлы и не успела переодеться. Полотенце было серое, кухонное, и от него пахло луком и петрушкой. Исса скользнула по мне взглядом, не задержавшись, как по мебели. Под ребрами стало тесно.

— Где он? — спросила она у стража у двери.

— В кабинете, госпожа.

Она прошла мимо меня. На ее шее я успела увидеть нитку жемчуга — старого, фамильного, из дома казначея. Жемчуг подарил не Радан. Исса приехала не гостьей — она приехала проверкой. А я в кухонном полотенце стояла между ней и его кабинетом как часть хозяйства, не его жизни.

Тая высунулась из кухни, посмотрела вслед Иссе и тихо сказала:

— Хочет посмотреть, кто в доме теперь хозяйка.

Я не ответила. Я пошла обратно к котлам: остывший жир не ждет ревности. Руки мои были заняты, голова считала. Исса приехала в день, когда я сдала маску и кинжал. Это не случайно. Значит, кто-то в доме успел послать записку в казначейство, и эту записку написал не Радан. Утром у него не было времени. Кто-то из его офицеров хотел, чтобы договор сорвался еще до подписи.

Следующий час я мыла котлы и слушала дом. Дом разговаривал сам с собой: скрип половиц над кухней — Исса поднялась в покои Радана. Шорох в коридоре — Варг Седой, мокрый, злой, прошел к оружейной. Звон ключей у погреба — Брин, как всегда, в своем деле. Потом стало тихо, и тишина была хуже звука.

В четыре пополудни в кухню спустился Радан. При ремне, в мундире, волосы сухие, приглаженные, как у человека, который собирался куда-то идти или кого-то принимать. Он посмотрел на меня, и я увидела в его взгляде то, что он обычно не показывал: усталость без права жаловаться, ту самую, что я видела утром у Брина.

— Заложница чести, — сказал он ровно. — Через час в кабинете. При двух свидетелях. Писарь из башни принесет бумагу.

Я кивнула. Он не ушел. Стоял у дверного косяка, и я чувствовала его запах — кожа, холодный металл и что-то горькое, как полынь.

— Исса здесь, — сказала я, не поднимая головы от котла. — Она не помешает подписанию?

— Она не помешает, — ответил он. — Это не ее дом.

— Она так не думает.

Он помолчал. Где-то наверху стукнула дверь.

— Ты тоже не думай, — сказал он тихо. — Я подпишу договор, потому что должен. Не потому что хочу тебя видеть в этом доме.

Я подняла голову. Он стоял ровно, не приближаясь, и руки его висели вдоль тела, как руки человека, который привык отдавать приказы, а не просить.

— Я пришла не потому, что хочу тебя видеть, — ответила я. — Я пришла, потому что хочу знать, чьи имена ты подписывал.

Он отвел взгляд. Я впервые увидела, как он моргнул — не мигая, а именно моргнул, как человек, которому попало в глаз.

— Через час, — повторил он и ушел.

Я вытерла руки, сняла фартук и пошла к себе. В жестянке под матрасом лежала моя тетрадь, та самая, которую Ларва Тень хотел забрать в совет. Я развернула пропитанную кровью кожу, перечитала последние десять имен. Каждое было подписано одной и той же рукой. Рукой с мозолью от пера.

Через час я вошла в кабинет. Пахло сургучом и чужими духами. Исса сидела у стены, в кресле, которое ей не предлагали, и улыбалась так, как улыбаются женщины, которые точно знают, зачем они здесь. Писарь из башни печатей разложил на столе два листа, чернильницу и перо. Варг Седой стоял у двери как свидетель от стражи. Брин Ушастый — как свидетель от казематов. Радан Кейл стоял напротив меня, и его ремень блестел в свете свечей, как полоса чужой власти.

Я взяла перо, обмакнула в чернила и подписала первой. Если я замешкаюсь, Исса заговорит, а она умела говорить так, что после нее оставалось только кивать. Чернила легли на бумагу

с тихим хрустом, и писарь, мальчик с бледным от казенной работы лицом, тут же подвинул ко мне вторую копию.

— Печать, — сказал он, не глядя на меня.

Я достала из-за ворота свою личную печать, ту, которую носила на шнурке под рубашкой и никогда не снимала. Гильдейскую печать я сдала утром вместе с маской и кинжалом, эта была моя, домашняя, с вензелем матери. Я прижала ее к сургучу, и он хрустнул, выпустив тонкую струйку дыма.

— Теперь вы, — кивнул мальчик Радану.

Радан шагнул к столу. Он не торопился. Я видела, как он положил ладонь на край стола, прежде чем взять перо, как будто проверял, не шатается ли стул под его решением. Его рука с мозолью от пера легла на бумагу, и подпись вышла ровная, без росчерка. Я впервые смотрела, как он подписывает что-то при мне, и впервые понимала, чего стоит человеку, привыкшему отдавать приказы, поставить рядом со своим именем слово «должен».

Печать Кейла легла рядом с моей. Писарь сразу укрыл оба листа промокашкой. Варг Седой шагнул вперед, расписался внизу листа как свидетель от стражи. Брин Ушастый подошел вторым; я услышала, как он тихо выдохнул, прежде чем взять перо. Этот выдох был почти стоном. Руки у него дрожали, но подпись вышла четкая.

— Одна копия в башню, — сказал писарь, — вторая в архив командора, третья заложнице.

Третья копия легла передо мной. Я не сразу взяла ее. Она пахла свежим сургучом и тем запахом, который остается на бумаге после подписи человека, знающего себе цену. Мой собственный запах на ней тоже был, слабый, как чужой.

Исса у стены не пошевелилась. Она сидела ровно, сложив руки на коленях, и я видела, как бьется жилка у нее на виске. Она приехала сорвать подписание, а подписание уже лежало на столе, и теперь ей оставалось только смотреть.

— Госпожа, — сказал Радан, не оборачиваясь к ней, — карета ждет.

Это было сказано тихо, без нажима, почти вежливо. Именно от этой вежливости у меня сжалось горло. Исса поднялась; в этом движении было столько обиды, что я почти ее пожалела. Почти. Она прошла мимо меня, и я снова почувствовала чужие духи.

— Мы увидимся, — сказала она мне вполголоса.

Я кивнула, потому что не ответить было бы хуже.

Когда каблучки стихли на крыльце, в кабинете стало тихо. Я стояла одна с тремя мужчинами, и договор теперь был жив. Писарь собрал листы в папку, Варг вышел в коридор. Радан смотрел на промокашку, где расплывалась его собственная подпись.

— Теперь вы гостя в моем доме, — сказал он наконец. — Утром я пришлю ключницу показать вам комнату.

— Мне нужна кухня, — ответила я. — Стол, чернила и доступ к реестру приказов.

Брин вел меня по коридору не быстро и не медленно, а так, как ходят люди, которые давно здесь живут и знают, где скрипит пол. Я шла за ним, и под подошвами у меня хрустела каменная соль, которую дворовые слуги сыпали против гололеда. Свет от факелов ложился на стены рваными полосами. Я впервые видела этот дом не как тюрьму для приговоренных, а как чужую спальню, где мне предстояло жить.

— Сюда, — сказал Брин, остановившись у низкой двери с медной скобой. — Архивная. Ключ у меня, второй у командора, третий запасной у ключницы Марты. Вам, госпожа заложница, выдается только вход при мне и при страже.

Я кивнула. Он отпер дверь, и пахло старой бумагой, пылью и сухим деревом. Внутри было тесно: три стеллажа до потолка, узкий стол у окна, на котором лежала забытая кем-то желтая перчатка. Брин зажег свечу и поставил ее в медный подсвечник. Стол был уже приготовлен: чернильница, перо, стопка чистой бумаги, промокашка.

— Марта сказала, чтобы вам было удобно, — добавил он тихо. — Она не скажет этого вслух, но так.

Я села за стол, и дерево под моими локтями оказалось теплым, как будто кто-то недавно сидел здесь. Я не стала спрашивать кто. В этой комнате сидели те, кто подписывал чужие смерти, и эта теплота была их.

— Мне нужен реестр приказов командора за последние пять лет, — сказала я, раскладывая бумагу. — По алфавиту, с датами и печатями.

Брин кашлянул. Я подняла голову. Он стоял у стеллажа, и руки у него висели вдоль тела, как у человека, которому сейчас будет больно.

— Реестр один, госпожа. И он сейчас у командора в кабинете. Он сам его несет сюда.

Я ждала. Брин ждал тоже, глядя в пол, и я видела, как он переступает с ноги на ногу, потому что ему было неловко стоять в чужом архиве, пока я сидела за его столом.

Дверь открылась без стука. Радан вошел с двумя большими книгами под мышкой, и с ним вошла Марта, маленькая, сухая, с ключами на поясе. Она посмотрела на меня так, будто я заняла ее место у печи, и ничего не сказала. Радан положил книги на стол, и они легли тяжело, с глухим стуком, от которого вздрогнула чернильница.

— Здесь реестр за пять лет, — сказал он. — И отдельно книга тайных приказов, она под номером, без имени. Книга под номером остается в архиве, вы читаете ее здесь, не выносите и не копируете.

— Я не умею копировать, — ответила я. — Я умею читать.

Он не ответил. Свет от свечи падал ему на скулы, и я впервые видела его так близко при работе, а не на плацу и не в зале совета. От него пахло холодной кожей, и на воротнике мундира я увидела тонкую полоску сургуча, которую он не заметил или не стал счищать.

— Марта, — сказал он, не оборачиваясь, — принеси заложнице чай и хлеб. И проверь, чтобы в гостевой спальне было чистое белье.

Марта кивнула и вышла. В этом кивке было столько холода, что я поежилась. Радан сел напротив меня, на единственную табуретку у стены, и сложил руки на коленях.

— Я буду здесь, пока вы не уйдете, — сказал он. — Это не недоверие. Это порядок.

— Порядок, — повторила я и открыла первую книгу.

Страницы пахли старой бумагой и чернилами. Я пошла по строчкам, как шла по реестру казней каждое утро: по алфавиту, по датам. Имя. Дата. Приказ. Печать. Я считала строки, и каждая строка была человеком, которого я могла бы не донести до плахи, если бы Радан Кейл не подписал.

Через час у меня затекла шея, и я отложила перо. Радан все еще сидел напротив, и у него в руках была моя копия договора, которую он перечитывал, хотя знал каждое слово.

— Тридцать два имени за первый год, — сказала я. — Я насчитала.

— Я знаю, — ответил он. — Я их подписывал.

Я посмотрела на него. Он поднял голову, и между нами была свеча, и пыль, и чужой реестр. Впервые за весь день я поверила, что мы оба делаем одну работу.

Я взяла перо и продолжила считать строки. В тетради под именем брата уже стояла дата сегодняшней ночи. Завтра совет спросит про реестр. Завтра я покажу им то, что видела сегодня. А этой ночью я легла в гостевой спальне с чужим бельем и впервые почувствовала под ключицей тонкое тепло — там, где к утру должна была проступить первая буква чужого имени.

Глава 2. Разговор после совета

Дверь в комнату масок мне не открыли. Брин Ушастый переступил с ноги на ногу, вытащил связку и показал нужный ключ так, чтобы я видела бронзовую бородку, но в замочную скважину не вставил.

— Приказано пускать командора и писаря при двух свидетелях, — сказал он тихо, почти виновато. — Заложница чести в список не вписана. Я бы пустил, маска, мне чье лицо резать, твое или советское.

Я держала руки за спиной, чтобы он не видел, как стянуло пальцы.

— Я не за лицом. Я за реестром. На нем клеймо гильдии, значит, имеет право читать тот, кто носит клеймо.

— Клеймо не на руке. Клеймо под печатью комнаты, — он качнул головой. — Так Марта сказала.

Марта выросла за его плечом, как будто стояла там с утра. Сухое лицо, серый передник, ключи на поясе как четки. Она не извинялась и не объясняла. Она смотрела на меня так, будто я была дверью, которую забыли запереть.

— Командор дома, — сказала она. — Подайте прошение письменно, через писаря, с печатью стражи. Тогда рассмотрим.

Я выдохнула ртом, чтобы голос не сорвался.

— Марта, я заложница чести. Я по договору имею право на реестр приказов. Комната масок относится к реестру, бумага у меня в саквояже, я могу показать.

— Можете, — согласилась она. — Положите на стол в кабинете. Командор подпишет или не подпишет.

— А если не подпишет?

— Тогда и поговорим.

Брин отвернулся к стене. Уши у него правда были большие, оттопыренные, и в них застряла серая шерстинка. Я подумала, что он бы меня пустил, если бы мог. Но Марта была хозяйка ключей, и спорить с ней значило спорить с самим домом.

Я вернулась к себе в гостевую, достала из саквояжа тонкую тетрадь, вырвала лист и написала прошение коротко, по гильдейской форме. Имя, статус, цель, срок. Размашисто подписала «Риана Веш, маска под клеймом», свернула вчетверо и отнесла в кабинет через коридор.

В кабинете пахло кожей и холодным деревом. На столе лежали три оловянные пуговицы и перо без чернил. Я положила прошение под пресс-камень и пошла искать командора.

Он нашелся в офицерской столовой, один за длинным столом. Перед ним стояла тарелка с кашей, к которой он не притронулся, и лежал вскрытый пакет с сургучом. Увидел меня, отложил ложку.

— Прощение на ключ от комнаты масок, — я не села, потому что он не предложил. — Марта отказала.

Он взял бумагу, прочитал, не поднимая бровей.

— Марта отказала не мне, — я добавила ровно столько вежливой жестокости, сколько позволял этикет. — Вам, командор. И мне заодно. Договор мой, реестр ваш, ключ у нее. Если вы не подпишете, я завтра поеду в совет просить разрешения. Печать стражи на моем пропуске, советская печать на решении. Это два дня и три подписи. Я подожду.

Он откинулся на спинку скамьи, и я впервые увидела, как у него двигаются желваки. Не злость. Счет в голове. Радан считал, во что ему обойдется мой выезд в совет и чьи подписи придется собирать по дороге.

— Сядь, — сказал он наконец.

Я села. Каша в его тарелке была моя, я узнала репу. Он заметил, я заметила, что он заметил, и на секунду мы оба зависли на этой мелочи.

— Ключ получишь при мне, — он подвинул прошение к себе и достал из ящика стола свою тонкую черную палочку-печать. — Свидетели я и Брин. Стража у двери. И я буду рядом, когда ты откроешь сундук.

— Зачем?

— Потому что в комнате лежат не только гильдейские маски.

Он прижал печать к бумаге, и я увидела, как на сургуче отпечатался маленький дракон с обломанным хвостом. Я знала этот герб, его знала вся северная стража.

— Командор, — я сказала тихо, чтобы голос не прыгнул. — Мне нужен реестр, а не ваши тайны.

— Тайны лежат рядом с реестром, — он подул на печать. — И я хочу знать, что ты их увидишь и не побежишь в совет с ними раньше меня.

Мы смотрели друг на друга через стол. Я чувствовала запах его мыла, холодного, мятного, и под ним старой кожи. Он был мне должен ответ. Я была ему должна молчание. Мы оба знали, что долги у нас разной длины.

— Хорошо, — я кивнула. — При мне и при Брине. Стража у двери. Откроем вместе.

Он спрятал печать и встал. Я тоже встала, и мое колено на секунду задело его колено под столом. Он отдернул ногу так, будто я была горячее, и тут же нахмурился, и тут же сделал вид, что ничего не было.

Мы шли по коридору молча. У двери в подвал уже стоял Брин, без шапки, с ключами в обеих руках. Он увидел сургуч на прошении и коротко мне кивнул, как сообщник.

Марта была тут же. Она не ушла. Она стояла за спиной Брина и смотрела, как Брин вставляет ключ в замок, как бронзовая борода входит в скважину, как поворачивается с тихим медным стоном. Дверь открылась, пахло камнем, маслами и чем-то кислым, выдохшимся вином.

Я шагнула внутрь. На стене висели маски в два ряда, белые и желтоватые, с прорезями для глаз, как спящие лица. На дальней полке стояли сундуки, обитые железом. Я пошла к среднему, потому что знала: реестр хранится в среднем сундуке, под замком, в кожаной папке с моей гильдейской печатью.

Я открыла крышку. Папка лежала сверху, но под ней я увидела другой лист. Не реестр. Приговор, написанный рукой писаря. Имя в графе стояло знакомое, и рядом с ним через черту моей рукой было вписано мое имя как исполнителя.

То самое имя. Имя человека, которого я любила.

Я не двинулась. Палыцы застыли на кожаном ребре папки. Радан стоял за моей спиной, я слышала его дыхание, ровное и злое, и понимала: он знал, что я увижу именно это. Он не зря просил быть рядом.

— Риана, — сказал он, и впервые за все дни в доме я услышала в его голосе не приказ, а вопрос. — Риана, не оборачивайся. Сначала дочитай.

Я не обернулась. Стояла, держась за кожаную папку, и чувствовала, как пол под ногами стал тонким, как промокашка.

Его звали Марко Вейн. Старший десятник северной стражи, невысокий, рыжий, с родинкой под левым глазом. Он носил мой платок на шее, когда его вели на плаху. Я сама повязала, потому что дул ветер, а у него не было шарфа. Я сказала ему: потерпи, скоро кончится. Я врала. Кончилось не скоро.

В приговоре стояла дата, статья, вина: «тайная переписка с заграничным гостем, умысел на измену северной границе». Под статьей - подпись судьи. Под судьей - подпись командора северной стражи. Радан Кейл. Под его подписью, через черту, другими чернилами, моей рукой:

«исполнено, маска под клеймом». Я узнала свой нажим. Я всегда сильно нажимала на «ш» и мягко на «и».

Я не выронила лист. Я сложила его пополам, потом еще раз, потом еще, пока он не стал маленьким плотным квадратом. Мне нужно было занять руки, иначе я бы закричала или обернулась, или сделала бы что-то, о чем потом пришлось бы писать рапорт.

За спиной стоял Радан и ждал. Я слышала его дыхание, ровное, медленное, и понимала, что он считает мои вдохи. Он всегда считал, когда ему было страшно. Брин переминался у двери, ключи тихо звякали. Марта стояла за ним, не двигаясь, и я почти физически чувствовала, как ей хочется вырвать лист у меня из рук и сжечь.

Я спрятала сложенный квадрат в карман передника, под ткань, к телу.

— Брин, — я обернулась, и голос у меня был чужой, ровный, канцелярский. — Мне нужен второй ключ, от среднего сундука. По договору заложница имеет право на реестр. Папка с моей печатью должна лежать в этом сундуке. Откройте.

Брин посмотрел на Радана. Радан кивнул. Марта сделала шаг вперед, но Радан перехватил ее взглядом, и она остановилась, и я впервые увидела, как ключница подчиняется не слову, а движению брови.

Брин достал из связки маленький медный ключ, нагнулся над замком, повернул. Внутри лежала кожаная папка с тисненой гильдейской печатью - три перекрещенных меча и маска. Моя. Я вынула папку, раскрыла. Реестр лежал на месте, пронумерованный, с подписями писаря. Я пролистала до нужной страницы. Страница была чистой. Абсолютно чистой. Ни следа от записи. Ни влажного пятна, ни царапины. Чистый лист, вырезанный из той же бумаги, вклеенный поверх.

Я положила папку на сундук и посмотрела на Радана. Он смотрел на меня, и я впервые за все дни в его доме не могла прочесть его лицо.

— Страница вырезана, — сказала я. — Имя Марко Вейн, статья, дата, подписи. Вырезано. Кто-то знал, что я приду посмотреть именно это.

— Я знал, — ответил он.

Я моргнула.

— Что?

— Я знал, что ты придешь посмотреть именно это, — повторил он медленно, и голос его стал тише, и я поняла, что он срывается. — Поэтому я попросил быть рядом. Не для того, чтобы спрятать. Для того, чтобы ты увидела.

Он сделал шаг ко мне, и Брин отступил, и Марта отступила, и мы остались в подвале одни, только через стену слышно, как наверху кто-то рубит дрова. Я сделала полшага назад, уперлась лопатками в сундук.

— Объясни, — потребовала я.

— Я не могу здесь, — он качнул головой. — Здесь стены слышат. Поднимемся в кабинет. Возьми реестр и эту свою находку. Я покажу тебе второй экземпляр. Он в тайнике, за моей печатью. Тот, который уходит в королевский архив. Там страница на месте. Там стоит подлинная подпись.

— Зачем тебе показывать мне подлинник?

— Потому что совет собирается через три дня. Потому что меня будут судить за измену, и ты будешь главным свидетелем, потому что ты - маска. Потому что если ты выйдешь на совет, не зная правды, тебя купят или сломают. А я не хочу, чтобы тебя сломали из-за человека, которого я сам подписал.

Я взяла папку под мышку, сложенный квадрат прижала к груди. Мы поднялись. Марта смотрела нам вслед, и я знала, что через час она пошлет записку в совет. Пусть. У меня теперь было имя, дата, вырезанная страница и обещание подлинника. Этого хватало, чтобы не спать, но хватало, чтобы дойти до утра.

В кабинете Радан запер дверь изнутри, достал из-за панели тонкую тетрадь в кожаном переплете и положил передо мной. Я открыла. Подлинник. Подпись командора. Подпись маски. Марко Вейн. И рядом, на полях, его рукой, приписка: «просить о помиловании, дело шито слабо, свидетель куплен».

Я посмотрела на Радана. Он стоял у окна, и свет падал ему на лицо, и я впервые увидела, какие у него темные круги под глазами.

— Зачем ты подписал? — спросила я.

— Потому что совет потребовал голову, — ответил он. — И я мог отдать голову. А мог отдать его жизнь и попросить за нее потом. Я выбрал второе.

— И что?

— Совет отказал. Через месяц. И я не успел.

Я закрыла тетрадь. Руки у меня больше не дрожали. Я знала, что ночью на моей коже проступит новая буква, и я знала, что это будет буква его имени.

Я сидела на краю его стола, потому что стул он мне не предложил, а сам занял единственный у двери. Тетрадь лежала между нами, раскрытая на странице с Марко Вейном, и его приписка на полях чернела, как свежий синяк. За окном снег валил гуще, дворовые фонари расплывались желтыми пятнами, и я слышала, как внизу Марта отдает приказы голосом, который мог бы резать стекло.

— Ты знал, — повторила я, — что совет откажет.

Он не кивнул. Только чуть сжал челюсть, и я впервые за все эти дни увидела, как он мнется с ответом. Радан Кейл, который командовал северной стражей и привык решать за других раньше, чем они успевали спросить, сейчас стоял у собственной двери и не мог мне сказать правду.

— Я надеялся, — наконец сказал он. — Я писал не одно письмо. Я писал в канцелярию, писал короне, писал казначею. Я просил отложить казнь хотя бы на месяц. Я обещал собрать доказательства, что свидетель куплен. Я предлагал заменить голову своей. Они отвечали: «дело идет по уставу», «командор не вправе вмешиваться», «маска исполняет». И в последнем письме, за неделю до плахи, пришла одна строчка: «отказано, исполняйте по реестру».

Я слышала, как он дышит. Слышала, как за стеной кто-то из офицеров топает по коридору и звякает пряжкой ремня. Я смотрела на его руки - длинные пальцы, чернильное пятно на указательном, перстень с гербом, который он никогда не снимал - и думала, что этими руками он подписал Марко Вейну смерть.

— Ты мог предупредить меня, — сказала я.

— И что бы ты сделала?

— Я бы увезла его. Я бы спрятала. Я бы отдала свою маску, потому что без маски я уже не маска и не исполнитель, и приговор потерял бы законную силу.

Он впервые посмотрел мне в глаза, и я увидела, как зрачки у него сузились, словно он смотрел на солнце.

— Ты бы села вместо него, — сказал он тихо. — Ты бы сама встала на плаху, и я это знал. Поэтому я не сказал. Я выбрал его жизнь и твою работу. Я выбрал не спасти его и спасти тебя.

Мне стало холодно, хотя печь в кабинете топилась с утра и воздух пах смолой и сушеной мятой. Я подняла руку и сама удивилась, что она не дрожит. Приложила ладонь к его лицу - к щеке, по которой шла старая, почти белая полоса шрама от клинка, - и почувствовала, как он каменеет под моими пальцами.

— Ты выбрал, — сказала я, — но не у меня спросил. Это не твоя щека. Это моя жизнь и его смерть. И ты даже сейчас говоришь мне «я выбрал», как будто имел право.

Он не отстранился. Только закрыл глаза, и я почувствовала, как под моей ладонью дрогнул мускул на его скуле. Я держала руку на его лице и думала, что могу ударить. Что должна

ударить. Что у меня есть право ударить, и совет, и гильдия, и даже Бог, который иногда смотрит на палачей, не отвели бы за это руки.

Я убрала ладонь. Медленно, по его скуле, по линии челюсти, по подбородку. Чуть задержалась на губах, потому что они были сухие и теплые, и он чуть повернул голову, не поймав, а как будто пытаюсь удержать прикосновение. Я отняла руку и спрятала ее в карман передника, к тому самому сложенному квадрату из приговора.

— Не сейчас, — сказала я. — Не в этом доме, не при этой двери, не при этой тетради. Когда ты снимешь ремень, Радан. Когда ты публично откажешься от командования. Тогда я, может быть, дам тебе потрогать мою руку еще раз.

Он открыл глаза, и я впервые увидела в них что-то живое, не властное, не злое. Усталость. Очень простая мужская усталость, от которой не спасает ни власть, ни деньги, ни драконья кровь, которая у него якобы была.

— Ты не уйдешь? — спросил он.

— Я заложница по договору, — ответила я. — Я не могу уйти без печати канцелярии. Ты это знаешь.

— Если я сниму ремень, — сказал он, — ты уйдешь?

Я посмотрела на тетрадь, на его подпись, на приписку, на имя Марко Вейн, на мою подпись через черту.

— Если ты снимешь ремень, — сказала я, — я сама решу.

Я взяла тетрадь, положила в карман рядом с квадратом и пошла к двери. Он не двинулся с места. Только смотрел, как я иду, и я чувствовала его взгляд на затылке, на шее, на ключицах, где под рубашкой наливалось теплом то место, где утром должна была проступить буква.

У двери я обернулась.

— Через три дня совет, — сказала я. — Я буду в зале. Я приду как свидетельница, потому что так записано в договоре. Я не знаю, что скажу. Но я не дам тебя купить и не дам тебя сломать. Это не прощение, Радан. Это работа.

Он кивнул. Я вышла. За дверью стояла Марта со связкой ключей и смотрела на меня так, будто я только что вышла из его спальни. Я вытерла руку о передник и пошла к лестнице. Мне нужно было в кухню - проверить, накормлены ли осужденные, и сесть на минуту, прежде чем мир снова станет простым и понятным. На ступеньке я пощупала через ткань тетрадь и квадрат. Они лежали рядом, и я знала, что ночью моя кожа заплатит за оба.

Лестница была узкая, и моя юбка цеплялась за каменные перила так, будто стены пытались меня удержать. Внизу хлопнула дверь кухни, и я услышала голос Таи - сестра орала на кого-то из мойщиц посуды, и я узнала это «ты мне чешуйся сюда, я сказала». Тетрадь давила в кармане, квадрат рядом. Я остановилась на площадке между этажами и прижала ладонь к стене, чтобы унять дрожь в пальцах. Рука, которой я только что трогала его лицо, гудела, словно по ней прошлись наждаком.

Я спустилась, вошла в кухню через заднюю дверь, чтобы не идти через людскую. Марта меня опередила - я увидела ее спину у окна, она стояла с ключами и смотрела на меня так, будто знала все, что было за той дверью, и прикидывала цену. Я не стала оправдываться. Кивнула ей, прошла к столу, сняла фартук с крюка и надела поверх платья. Руки у меня больше не дрожали, но пальцы были холодные, и я согрела их о жестяной бок котла, в котором булькала похлебка для утренних осужденных.

Тая подошла, налила мне в глиняную кружку тот самый горький чай и поставила рядом сухарь. Я посмотрела на сестру - она была ниже меня на полголовы, волосы убраны под платок, на щеке полоса муки, и я подумала, что она похожа на нашу мать в последний год, когда мать уже не могла встать с кровати и только кашляла. Я допила чай в три глотка, потому что горький чай - это тоже работа, и теперь у меня было полчаса до того, как надо идти в каземат проверять, накормлены ли трое, кого завтра поведут на плаху.

Я взяла миску, налила похлебки отдельно, накрошила туда сухаря и понесла в коридор к служебному выходу. Марта не остановила меня, только сказала вслед:

- Надзиратель не велено пускать заложницу после девятого колокола.

- У меня нет колокола, - ответила я. - У меня реестр и три фамилии, которые сегодня должны быть живы до утра. Потом я сразу вернусь.

Она не двинулась с места. Я постояла, посмотрела на нее, и она поняла, что я не торгуюсь. Она открыла дверь своим ключом, и я шагнула в холод каземата, в вонь сырого камня и прогорклой капусты.

Вторую камеру я прошла быстро. Там сидел Яков Лось, мелкий конокрад, тридцать лет, бездетный, без жены. Он взял миску, понюхал и криво усмехнулся. Я не стала с ним говорить: конокрады не любят, когда их жалеют, а жалость у меня кончилась еще в коридоре, где Марта смотрела на меня, как на чужую жену. Третья камера была в самом конце, у стены, где камень особенно сильно тянул холодом снизу.

Там сидел Марко Вейн.

Он не спал. Он сидел на койке, обхватив колени руками, и смотрел на дверной проем так, будто ждал меня. Я опустилась на корточки, поставила миску к решетке. Похлебка плеснула через край, обожгла мне пальцы. Я не выдернула руку, а он смотрел, как с моей кожи капает горячее, и на его лице было выражение, которое я видела только у тех, кого уже привели к плахе и оставили ждать утра.

- Ешь, - сказала я. - Завтра легче не будет.

Он протянул руку через решетку, взял миску, и наши пальцы соприкоснулись. Он не отдернул. Я тоже. Я подержала его ладонь в своей, потому что так было нужно, и я давно перестала делать вид, что мне за это не платят. Потом он убрал руку, я поднялась и сказала:

- Утром придет писарь. Подпишешь, что ел.

Он кивнул. Я пошла обратно, и спиной я чувствовала, как он ест. Громко. Жадно. По-человечески.

У выхода меня ждала Марта. Я отдала ей пустую миску и спросила:

- Брину Ушастому передай: я зайду к нему утром, до совета. Мне нужен реестр за прошлый месяц, копия. Я заложница, имею право.

Она поджала губы.

- Брин сам знает, кому давать.

- Тогда пусть сам мне откажет, - ответила я. - При свидетелях, с печатью. Так положено по договору.

Она отперла дверь, и я шагнула обратно в тепло дома. На площадке второго этажа я остановилась, достала из кармана квадрат с моей подписью через черту и посмотрела на него при свете факела. Мелкие буквы, выцветшие чернила, моя рука, его рука. Завтра я эту бумагу положу в реестр, который мне отдаст Брин, и она ляжет рядом с его фамилией. И если совет спросит, я покажу. И тогда мы посмотрим, как Ларва Тень будет объяснять, почему подпись палача стоит на одной строке с подписью командора.

Я спрятала квадрат, вытерла руки о передник и пошла к себе. У двери стоял Север Тихоступ, мой ученик, и держал в руках свой реестр - первые пять фамилий, выведенные дрожащей прописью. Он посмотрел на меня, я на него, и он сказал:

- Я не смогу завтра.

Я кивнула.

- И не надо, - ответила я. - Завтра я сама. Иди спать.

У камеры, где сидел первый, я села на корточки и поставила миску к решетке. Его звали Степан Роев, тридцать два года, бывший десятник северного обоза. На одеяле спал ребенок - его дочь, четырех лет, которую не успели забрать родственники, потому что совет писал приговор в одни сутки и даже тюремный писарь не знал, что в камере будет ребенок. Я сняла с

шеи ленту, которой была перевязана моя коса, и просунула в решетку - маленькая, выцветшая, с моей вышивкой.

- Это для нее, - сказала я тихо. - Когда проснется, заплети ей волосы. Чтоб не лезли в глаза.

Он взял ленту, посмотрел на меня и ничего не сказал. Я выпрямилась и пошла к следующей камере, потому что у меня было мало времени, а еще две фамилии ждали и не знали, что я их помню.

Глава 3. Разговор после совета

Первый медный круг я выложила на стол еще до рассвета, чтобы медяки не звенели, когда за стеной заворчит кухня. Семнадцать монет за ночь, когда приговоренного звали вслух по имени, и я впервые услышала, как моя собственная рука на мгновение опоздала на полвдоха. Я считала медленно, сдвигая каждую монету указательным пальцем к краю стола, потому что считать - значит не думать. Слева от книжки долга дома лежала вчерашняя записка от писаря канцелярии. "Заложница чести обязана явиться в совет по делу о тайном договоре командора северной стражи Радана Кейла". Я положила записку под корешок, чтобы не смотреть на печать.

Марта, ключница, встретила меня у порога гостевого крыла так, словно я была прошлогодней копотью на ее скатерти. Она была маленькая, точная, в темном платье с серебряной брошью рода, и я поняла, что она узнала меня не по лицу - по кожаному саквоюжу, пропитанному запахом чужой крови и дешевой извести. Брин Ушастый, ключник казематов, тоже узнал и налил мне горячего чая без спроса, поставив кружку на грязный поднос, чтобы не касаться моего стола чистой посудой.

Я открыла книгу долга дома. Мне нужно было знать, на что меня подписали.

Цифры шли ровно, как удары метронома. Стол, кров, дрова, чернила, свечи, отдельная комната под опись - все это стоило ровно столько, чтобы любая попытка уехать без разрешения стражи оставляла меня в долгу перед казной командора. Я вела колонку "получено" и колонку "не получено". В графе "не получено" стояло право входить на кухню и право видеть реестр приказов без цензора. Под обеими строками одна и та же подпись: Варг Седой, капитан дворовой стражи. Подпись была мягкая, почти женская, что для северного стража казалось издевательством.

- Долг считаете? - спросила Марта, не оборачиваясь. Она перебирала связку ключей у пояса, как монахиня - четки.

- Считаю, - ответила я. - Хочу знать, за что плачу.

- Вы не платите. Вы заложница. Платит дом.

- Заложница чести - гость под подпиской. Не служанка и не вещь. Если я гость, у меня есть право знать, что мне должны.

Марта впервые посмотрела мне в глаза. В ее взгляде не было злобы - было то самое усталое северное любопытство, с которым смотрят на садовый инструмент не по сезону.

- Стол, кров, чернила, - перечислила она. - Больше ничего. Реестр приказов - через командора.

- Я знаю.

- Тогда зачем считаете?

- Потому что считать - значит не думать, что меня завтра обвинят в том, чего я не делала. Марта промолчала. Это была маленькая победа, но победа.

Дверь в конце коридора открылась раньше, чем я успела отложить перо. Радан Кейл вошел так, как входят в собственную кухню - не извиняясь. Он был в мундире без ремня, что для северной стражи означало либо траур, либо домашний арест. На его руках не было перчаток, и я впервые увидела, что у него длинные музыкальные пальцы, совсем не казенные. Он остановился у моего стола и посмотрел на разложенные монеты так, будто это были не медяки, а лица.

- Семнадцать, - сказал он.

- Семнадцать, - подтвердила я. - За ночь, когда человек, чье имя вы подписали, был еще жив.

- Риана.

- Я считаю вслух, чтобы вам было удобно.

Радан не сел. Он просто положил ладонь на край стола, и я заметила, что костяшки у него стертые вчерашней тренировкой. Рядом с моими медяками его рука казалась чужой, слишком большой, слишком живой.

- Долг дома перед вами закрыт до конца недели, - сказал он ровно. - Кроме одного пункта.

- Какого?

- Права свидетельницы. Вы отказались говорить в совете.

- Я не отказалась. Я потребовала полный архив прежде, чем давать показания. Это не отказ. Это порядок.

Радан впервые посмотрел на меня так, как не смотрел ни один командор на палача. Не сверху, не насквозь, не с той холодной жалостью, которой меня одаривали стражи у ворот. Он смотрел на меня, как смотрят на человека, которому задолжали и не знают, как отдать.

- Архив откроют в пятницу, - сказал он. - При двух свидетелях.

- При двух свидетелях, - повторила я. - Хорошо.

Он кивнул и вышел, не оглянувшись. Монеты на столе тихо звякнули от сквозняка. Я закрыла книгу долга, прижала ее локтем и впервые за утро поняла, что хочу есть.

В коридоре пахло хлебом и чужими духами.

Голод оказался честнее страха. Я спрятала книгу долга под подушку, чтобы Марта не пересчитала мои же собственные цифры, и пошла по коридору на запах хлеба. Не потому что хотела есть. Потому что в доме командора кухня была единственным местом, где заложнице чести разрешали стоять без объяснений.

Тая мыла котлы. Она не обернулась, но плечи у нее осели, когда она узнала мои шаги.

- Ты опять не ела, - сказала она в котел.

- Я ела вчера.

- Вчера ты пила чай. Я видела кружку. Это не еда.

Я села на перевернутое ведро у печи, потому что стул в кухне был один и стоял на нем Олег Корма, начальник дворовой кухни, который считал каждую горсть крупы и каждую слезу поваренка. Олег кивнул мне, как кивают инструменту не по сезону, и вернулся к своим ведомостям. На стене висел список должников гарнизона, и среди фамилий я увидела свою - сбоку, мелким почерком, отдельной строкой.

- Это что? - спросила я Таю.

- Долг за кров, - ответила она. - Ты думала, тебя поселили за красивые глаза?

- Я думала, что договор подписан не с кухней.

- Договор подписан с домом, а дом считает все. - Она наконец обернулась. Под глазами у нее были тени, и я поняла, что сестра не спала. - Заложница чести, гостя под подпиской, свидетельница по делу об измене. И все это ест один раз в день, потому что утром считает монеты, а вечером считает тени на стене.

- Я поем сейчас.

- Ты поешь, когда я поставлю перед тобой миску. А до тех пор сиди.

Тая поставила передо мной миску с чужим супом - остатки от офицерского обеда, жидкие, с куриной костью и морковным огрызком. Я ела медленно, потому что горячее обжигало горло, и молчала, потому что на кухне молчание - тоже работа. Рядом сопел поваренок, мальчик лет десяти, который драил противень так, словно пытался стереть с него не гарь, а чью-то вину.

- Это Север? - спросила я тихо.

Тая кивнула.

- Он ученик палача?

- Он сын кухарки. Но с тех пор как ты здесь, он смотрит на тебя, как кот на сало.

Я оставила миску. Север Тихоступ действительно косился на мой кожаный саквояж, стоявший у двери. Я знала, что внутри: чистая рубашка, писчая бумага, угольный карандаш, моя маска в отдельном полотняном чехле, кинжал в ножнах, запечатанный сургучом гильдии. Я также знала, что по договору ни одну из этих вещей я не имею права трогать без разрешения стражи.

- Север, - позвала я. Мальчик вздрогнул и выронил тряпку. - Ты хочешь увидеть, как выглядит кинжал палача?

- Нет, - ответил он слишком быстро.

- Врешь.

- Вру, - согласился он и подошел ближе.

Я расстегнула саквояж только на длину ладони, показала ему кожаный край ножен, не снимая сургуча. Мальчик смотрел, как смотрят на чужое оружие дети, которые еще не решили, хотят ли они стать солдатами.

- А маску? - спросил он.

- Маску увидишь, когда я подпишу разрешение у стражи. А пока учись драить противни. Он кивнул серьезно и вернулся к работе. Тая ткнула меня полотенцем.

- Не привязывайся к нему, - сказала она. - Здесь привязываться нельзя.

- Я не привязываюсь. Я работаю.

- Ты работаешь глазами. Я знаю этот взгляд. Ты так смотришь на реестр, когда ищешь в нем имена.

Я промолчала. Она была права.

Олег Корма поднялся, подошел к окну и выглянул во двор, как человек, который ждет определенную повозку. На его лице было то самое выражение, которое я видела у стражей у ворот: выражение тех, кто считает не деньги, а последствия.

- К тебе идут, - сказал он, не оборачиваясь.

- Кто?

- Тень.

Я закрыла саквояж, не глядя на Север, потому что знала, что мальчик сейчас побледнеет. Ларва Тень входил в кухню так, как входят в операционную перед ампутацией: тихо, в перчатках, с папкой, от которой пахло свежим сургучом и чужими письмами. Он был высок, сух, с тем мягким ртом, который у следователей тайной канцелярии означает не доброту, а привычку не повышать голос.

- Заложница чести Веш, - сказал он. - Совет назначил вам явку на послезавтра. При двух свидетелях. С собой - личный реестр, если он у вас имеется.

- Имеется, - ответила я. - И он хранится в моей комнате, ключ от которой у капитана Варга Седого.

- Хорошо. - Он положил на стол серую повестку с сургучом и не ушел, а сел на корточки у печи, как мальчишка. - У меня к вам разговор, палачиха. Не как к свидетельнице. Как к женщине, у которой есть выбор.

Я не ответила. Он и не ждал ответа.

- Совет готов закрыть дело о тайном договоре командора, - продолжил он тише, - если вы подтвердите под присягой, что командор подписал тот давний приговор по личной просьбе заинтересованной стороны. Имя стороны совет назовет сам.

Писец поднял перо. - Я не подтверждаю того, чего не было.

- Тогда совет назовет имя стороны сам. И это будет ваше имя, палачиха.

Тая уронила половник. Север перестал дышать. Олег Корма медленно повернулся от окна и посмотрел на меня так, как смотрят на человека, которому только что предложили продать его же дом.

- Я потребую полный архив прежде, чем отвечать, - сказала я.

- Архив будет вскрыт в пятницу, - ответил Ларва Тень. - При двух свидетелях. Как обещал командор. И как требует устав.

Он встал, потряхнул колени и вышел, оставив на столе серую повестку, от которой пахло моей собственной застрявшей подписью. Я положила ладонь на повестку, прижала ее к столешнице и впервые поняла, что пятница будет не про архив. Пятница будет про то, кто из нас двоих - я или Радан Кейл - выйдет из зала совета с именем, которое можно произнести вслух.

Повестка лежала на столе, как чужое обручальное кольцо. Сургуч уже подсох и стал матовым, и от этого повестка выглядела еще официальнее. Я перевернула ее, не читая обратной стороны, потому что на обороте обычно пишут то, что не должны говорить вслух, и проверять это в чужом доме - дурная привычка.

Я сунула лист в карман передника. Тая смотрела на меня так, будто я только что проглотила серебряную ложку.

- Ты что делаешь?

- Прячу.

- От кого?

- От себя. Если повестка будет лежать на столе, я буду смотреть на нее каждые полчаса и считать часы. Мне не нужно считать часы. Мне нужно досчитать долг.

Олег Корма хмыкнул в ведомость. Он одобрял любую работу, которая мешала думать о работе.

На стене висел реестр должников гарнизона - лист, исписанный так плотно, что походил на рыбу чешую. Строчки шли по алфавиту, и среди знакомых фамилий я нашла две своих: сначала как заложницу чести, потом как свидетельницу по делу об измене. Под каждой стояла сумма. Под второй - вдвое больше. Под обеими - подпись Варга Седого.

- Это мне, - сказала я, показывая пальцем.

- Тебе, - подтвердил Олег. - Дом кормит, поит и дает крышу. Крыша считает.

- А если я не ем?

- Крыша все равно считает. - Он перевернул страницу. - У меня тут тридцать два рта. Кто-то должен думать за всех, иначе к пятнице мы будем есть мои сапоги.

Я взяла уголок с его стола и переписала обе строки в свой тайный реестр, который вела на оборотной стороне конторской ведомости. Под датой поставила пометку: "явка послезавтра, Ларва Тень, требует показаний против Радана". Потом приписала: "отказ". И подчеркнула.

Север Тихоступ стоял у печи и смотрел, как я пишу. Он делал это всегда - молча, серьезно, будто пытался запомнить движение руки. Я знала, что он не выучит почерк, если будет смотреть, как я вывожу буквы. Почерк учат, когда пишут сами.

- Север, - сказала я, не поднимая головы. - Дай мне тряпку.

Он подал. Я зачеркнула ею собственное имя в гарнизонной книге и написала сверху: "Веш Р. - по договору, плата вперед, без скидки". Олег посмотрел на запись, потом на меня.

- Это против правил, - сказал он.

- Это против глупости. Если я должна платить, я хочу видеть, за что. И пусть дом тоже видит, что я плачу, а не проедаю чужое терпение.

Олег кивнул. Это было не одобрение, это было признание, что я говорю на его кухонном языке.

Тая поставила передо мной вторую миску - уже кашу, с маслом и солью. Я ела, глядя в окно. Во дворе Варг Седой пересчитывал телеги с углем. Делал он это медленно, с тем особым солдатским терпением, с каким считают вещи, которые кто-то обязательно украдет.

- Варг не уйдет обедать, - сказала Тая.

- Варг не уйдет обедать, пока я не отнесу ему подпись.

- Какую подпись?

- Подпись о получении ключа от моей комнаты. Ключ сейчас у него. Он ждет, что я приду просить. Я не пойду просить. Я пошлю подпись через Север.

Тая посмотрела на меня так, будто я объявила, что полечу без крыльев.

- Мальчика? К капитану?

- Мальчик - это мальчик. Ключ - это ключ. Варг не имеет права не пустить ребенка, потому что ребенок не заложница и не свидетельница. Он обязан принять бумагу и расписаться. Если он распишется - ключ у меня. Если не распишется - у меня есть его отказ.

Я сложила лист, передала Северу и показала, куда нести. Мальчик ушел, вытирая руки о передник. Тая вздохнула.

- Ты учишь его не бояться мужчин с оружием.

- Я учу его не бояться бумаги.

- Это одно и то же.

- Пока нет. Когда станет одним и тем же, я буду виновата.

Варг расписался. Север принес ключ вместе с короткой запиской: "Получено. Прошу не выходить из комнаты после восьми колоколов. Подпись - капитан Варг Седой". Я спрятала записку в реестр, рядом с долгом и повесткой.

К вечеру в комнате пахло бумагой, моими собственными чернилами и чужим воском. Я разложила реестр на столе, достала угольный карандаш и впервые за день посмотрела на собственное имя, написанное рукой Радана Кейла в договоре. Оно стояло третьим в списке свидетелей. Первым стоял Ларва Тень. Вторым - Варг Седой.

Я переписала порядок имен в свой реестр и приписала внизу: "Кто поставил мою подпись третьей, тот и проиграет первым". Угольный карандаш сломался. Я взяла новый и начала считать дни до пятницы.

Я считала дни до пятницы углем на оборотной стороне конторской ведомости, когда под дверью скрипнуло. Не шаги - слишком ровный звук, слишком плотный. Так скрипит доска, когда на нее наступают намеренно, чтобы предупредить.

Я положила страницу чистой ведомостью и встала.

Радан Кейл стоял в коридоре без стражи, без ремня, в одной рубашке с расстегнутым воротом. Под ключицей у него розовела свежая ссадина - видно, неудачно наклонился над конской сбруей или плохо спал. Руки у него были пустые, и от этого я не знала, куда деть свои.

Он молча протянул мне маленький сверток, обернутый в чистую холстину.

- Это не подарок, - сказал он, не дожидаясь вопроса. - Это то, что вам прислала гильдия послезавтра и что вы не сможете получить сами без моей подписи.

Я развернула. Внутри лежала моя собственная маска - не подменная, не комнатная. Моя, с гильдейской печатью на виске, с царапиной над левой бровью, которую я оставила еще в ученичестве, когда уронила ее на камни плахи.

- Зачем она мне здесь?

- Затем, что в пятницу вы пойдете в зал совета не как свидетельница. Вы пойдете как палачиха. И если вам наденут личину без печати, вы не сможете доказать, кто вы.

Я держала маску осторожно, за края, как держат чужой приговор. Она пахла пылью комнаты масок, кожаным ремешком и тем особым холодом подвала, который не выветривается.

- Откуда она у вас?

- Из гильдейской комнаты. Мира Соль отдала мне ключ утром, когда узнала, что вызвали вас как свидетельницу, а не как мастера. Сказала: если ваша ученица идет в совет без печати, пусть лучше не идет вовсе. Я не стал спорить со старой вдовой.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня не как командор на заложницу и не как мужчина на женщину. Он смотрел так, как смотрят на человека, которого сами посадили в чужую клетку и теперь не знают, какой ключ подходит.

Радан не перебил. - Я не просила.

- Знаю. - Он помолчал. - Если бы просили, я бы не принес. Вы ведь не попросите.

Это было не упреком. Это было признанием правил, по которым я жила в чужом доме и которые он почему-то выучил наизусть.

Я положила маску на стол рядом с реестром и повесткой. Три предмета легли в один ряд: маска, долг, вызов. Я не стала их выравнивать - они сами встали ровно.

- В пятницу, - сказала я, - я надену ее сама. Без вашей руки, без руки стражи, без чьего-либо разрешения. И сниму ее тоже сама.

- Разумеется.

Он не сделал шага ко мне, не коснулся двери, не задел косяка. Просто развернулся и пошел по коридору - и скрипнула та же доска, и шаги стали глуше. Я слышала их, пока они не утонули в шуме кухни, где Тая гремела котлами.

Я закрыла дверь на ключ, полученный через Север, и села обратно к столу. Угольный карандаш я больше не взяла. Я открыла свой тайный реестр, перечитала порядок имен в договоре и приписала четвертой строкой: "Кто принес маску без просьбы, тот заплатит за нее своей подписью под моим именем".

Свеча не догорела - оплыла набок и задушила себя воском. Я проснулась от запаха горелого фитиля и от того, что на запястье жгло. Не сильно, как от ожога утюгом, а ровно, как будто кто-то писал по коже раскаленной иглой, очень медленно и очень аккуратно.

Я зажгла новую свечу, поднесла руку к свету.

На внутренней стороне левого запястья, там, где у приговоренных я обычно проверяю пульс, проступала буква. Не выжженная, не нарисованная - проступившая, как синяк выходит под кожей на второй день. Первая буква была "Л". Она была кривая, будто ее выводили левой рукой, и от нее тянуло слабым запахом лечебной мази и гари.

Л. Первая буква. Чужого имени, спрятанного под договором и его подписью.

Я открыла тайный реестр, развернула чистую страницу, прижала угольный карандаш к бумаге и перерисовала букву один в один. Потом подписала дату и время - третий час ночи, минута не считывалась. Рука дрожала, и я не сразу поняла, от холода или от того, что буква под кожей все еще теплая.

Я замотала запястье чистой тряпкой, чтобы случайно не стереть, и легла обратно. Но заснуть уже не смогла. Я лежала, слушала, как в доме кто-то ходит - то ли Варг проверял посты, то ли Тая не могла уснуть на кухне, то ли Радан Кейл сидел в своем кабинете без ремня, как сидел утром. Я не знала, где именно он, и от этого мне было хуже, чем если бы я знала.

Утром я встала раньше всех. Надела чистую рубашку с длинными рукавами, затянула манжеты шнурком, спрятав тряпку. Засунула реестр с перерисованной буквой под половицу, где у меня лежали медные монеты за последние казни. Поверх положила кинжал - без него палач не палач, даже если кинжал чужой.

Когда я вошла в дворовую кухню, Тая уже ругалась с Олегом Кормой из-за крупы. Олег кричал, что солонина подгорела, Тая кричала, что солонина была такая с самого начала и лично он ее покупал. Я встала у дверного косяка и ждала, пока они устанут.

- Олег, - сказала я, когда он перевел дыхание. - В пятницу в совете будет горячая еда. Сюда, в кухню, придут трое: один писарь из башни печатей, один стражник из северных казематов и одна вдова из гильдии. Для каждого отдельная тарелка, отдельная ложка, отдельная чашка. Без солонины.

- Это еще зачем?

- Затем, что это будут мои свидетели. И я хочу, чтобы они ели из моей кухни, а не из совета. Совет своих накормит. А моих - я.

Тая перестала ругаться. Олег перестал кричать. Они посмотрели на меня так, будто я впервые за неделю заговорила с ними как с людьми, а не как с предметами мебели.

- И чистый стол в малой зале, - добавила я. - Без скатерти. Просто дерево. Я хочу видеть, на чем пишу.

- У нас чистого дерева нет, - сказал Олег. - Есть дуб, но он в пятнах от кваса.

- Пятна подойдут. Я их замажу чернилами.

Я вышла из кухни и пошла в контору, где Илья переписывал для меня вчерашние листы. Он уже сидел за столом, маленький, в чужом фартуке, с пером, которое держал, как нож.

- Илья. Сегодня ты не переписываешь. Сегодня ты считаешь. В этом реестре, - я положила перед ним копию долговой книги, - каждое имя, против которого стоит подпись Радана Кейла. Не печать. Подпись. Рукой. Считаешь только те, где рядом есть слово "казнь" или "расход". Понял?

- Понял. А зачем?

- Затем, что в пятницу я буду знать, сколько смертей он подписал лично. И сколько из них не сходится с тем, что записано в башне печатей.

Илья кивнул, не поднимая глаз. Я села рядом и стала смотреть, как он работает. Перо у него шло ровно, медленно, как по линейке. Он был аккуратнее любого писаря в башне, и от этого становилось страшно: мальчик, который считает чужие смерти точнее взрослых, вырастет либо святым, либо палачом.

К обеду у меня на запястье под тряпкой проступила вторая буква. "А". Л и А. Я размотала рукав, перерисовала, подписала время. Положила тряпку обратно. ЛА. Не имя. Пока не имя.

К вечеру Илья принес мне лист. Семнадцать подписей Радана под словом "казнь" за последние четыре года. Четыре из них - в башне печатей записаны как "расход по штату". Шесть - как "увольнение". Семь - как "перевод". Ни одной - как "казнь".

- Значит, - сказала я вслух, - семь человек в реестре не существуют. Они казнены, но не записаны. А четыре записаны не так, как подписаны.

Я сложила лист, спрятала под рубашку рядом с реестром. Посмотрела на свои руки. Левая горела чужими буквами, правая сжимала чужой лист с чужими цифрами.

До пятницы оставалась одна ночь. И на руке у меня было две буквы чужого имени. А на столе у Ильи - семь имен, которых в башне не существовало.

Потом стерла последнее слово. Зачеркнула. Написала снова: "заплатит за нее собой".

Маска лежала на столе, и царапина над левой бровью смотрела в потолок, как закрытый глаз. Я накрыла ее чистой тряпкой и впервые за день поняла, что до пятницы осталось не два дня, а две ночи. И обе я проведу в доме, где человек, подписавший чужой смертный приговор, только что принес мне мою собственную личину, не спросив разрешения войти.

Я задула свечу, чтобы запах воска не мешал думать. Но думать я больше не стала. Я просто легла, положив ладонь на тряпку, под которой лежала маска, и стала ждать, пока первая буква чужого имени проступит у меня на запястье.

Глава 4. Печать на ладони

Бинт прилип к ране, и я дернула его слишком резко. Тая охнула за моей спиной, тихо, как мышь над горшком. Лечебная палата была узкой, низкой, с камнем, который не прогревался даже к полудню. На столе лежал Степан Роев, бледный до синевы, с перевязанной грудью и свежим швом под ключицей. Он не должен был здесь лежать. Он должен был идти на плаху вчера, и я готовила ему последнюю кашу, и отдала ленту из косы для его дочери. Теперь он был жив, и это означало чью-то чужую подпись.

— Держи, — я положила мокрую тряпку Тая на ладонь. — Прижми, если кровь пойдет. Если пойдет, скажешь сразу. Не молчи, как ты умеешь.

Тая кивнула, губы у нее сжались в тонкую нитку. Она была здесь со мной по праву сестры, а не по праву заложницы чести, и это единственное, за что я могла не стыдиться утром. Я снова наклонилась над столом, размотала бинт, посмотрела, как ткань отходит от кожи с тихим мокрым звуком. Рана была чистой, без гноя, но глубокой. Кто-то кольнул его ножом в каземате уже после того, как я ушла, уже после того, как я назвала его по имени через решетку.

— Кто тебя так, Степан? — спросила я, не отрывая глаз от раны.

— Не помню, — ответил он хрипло. — Темно было. Рука в перчатке.

Желтая перчатка. Я вспомнила ту, забытую на столе в архивной, когда мы с Раданом читали подлинник приговора. Перчатка осталась там, на краю стола, и никто не признался, что за ней возвращался. Я промолчала. Не стоит называть улику вслух, пока она не записана.

Я достала из саквояжа чистую полосу, смоченную в отваре коры, приложила к ране, прижала ладонью. Под моими пальцами кожа была горячей, живой, и от этого у меня сжалось горло. Я привыкла держать чужую руку в последний раз. Я не привыкла держать чужую руку в первый.

— Зачем ему жить? — тихо спросила Тая за моей спиной. — Его же все равно завтра.

— Завтра будет совет, — ответила я, не оборачиваясь. — А совет может отменить плаху. Если кто-то успеет подать прошение о помиловании вовремя.

— Кто успеет? Командор в опале. Ларва Тень его и так топит.

Я не ответила. Мне было нечего ответить сестре, потому что она была права. Ларва Тень вызвал меня свидетельницей, и я отказала ему в показаниях против Радана, и теперь он выкручивал ручку двери с другой стороны. Если Степан Роев умрет ночью, это ляжет на реестр дома, и Радан не отмоется от нового трупа у ворот. Если Степан Роев выживет, Ларва пришлет следователя с вопросом, кто его лечил и по какому праву заложница чести входит в лечебную палату без разрешения стражи.

Дверь скрипнула. Я узнала этот скрип по весу шага, не по голосу. Варг Седой вошел, остановился у порога, не проходя дальше, и посмотрел сначала на меня, потом на Степана. Он был в мундире, но без ремня. Это означало, что он здесь не как капитан стражи, а как частное лицо, и это была его личная любезность, которую он мне задолжал с ночи, когда я расписалась в его долговой книге о невыходе после восьмого колокола.

— Заложница, — сказал он негромко. — Вам сюда нельзя.

— Я лечу раненого, — ответила я. — Это разрешено и уставом гильдии, и обычаем дома.

— Гильдейский устав разрешает палачу лечить, но не в чужом доме и не под чужой ответственностью.

— Он не чужой. Он идет по моему реестру.

Варг Седой помолчал. Он не любил спорить вслух, он любил молчать так, чтобы молчание становилось аргументом. Я выдержала его взгляд и не отвела глаз. Тая за моей спиной перестала дышать, и я слышала, как у нее дрогнула тряпка в руках.

— Степан Роев, — сказал Варг наконец, глядя уже не на меня, а на стол. — По реестру гильдии он казнен вчера в полночь. По реестру дома он числится в каземате. По реестру лечебной он жив.

— Значит, кто-то врет, — ответила я. — И мне интересно, кто именно.

Варг усмехнулся одним уголком рта, без улыбки. Он подошел ближе, нагнулся, посмотрел рану, к которой все еще была прижата моя ладонь. Я не отняла руки. Это была моя территория, мой стол, мой реестр, и моя сестра стояла рядом как свидетельница. Если Варг захочет снять меня с этого стола, ему придется сначала снять с моей руки кровь Степана.

— Кто его так? — спросил Варг.

— Говорят, темно было, рука в перчатке, — ответила я. — Я бы посмотрела на ту желтую перчатку, что я видела вчера на столе у окна в архивной.

Варг выпрямился. Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который только что сделал за него его работу, и одолжил у него за это лишний день жизни. Он кивнул, развернулся и вышел, не сказав больше ни слова. Дверь закрылась за ним с тем же скрипом, с каким открылась.

Я вернулась к ране. Бинт намокал, кровь шла ровно, не сильно. Степан смотрел в потолок, и я видела, как у него дрожит нижняя челюсть. Он не плакал. Он пытался не заплакать, и у него получалось плохо. Я накрыла его грудь чистой тканью, убрала руки, посмотрела на свои пальцы. На указательном пальце левой руки, там, где кожа была особенно тонкой, проступила новая буква. Не Л и не А, а другая, третья, похожая на С, но с длинной нижней чертой. Я прижала палец к бедру, чтобы буква не высохла на воздухе.

— Тая, — сказала я тихо. — Принеси мне уголь и чистый лист из моей тетради. Уголь из кухни, не из канцелярии, он там злее. И не спрашивай зачем.

Тая ушла. Я осталась одна со Степаном, и впервые за утро позволила себе посмотреть ему в лицо. Вчера я кормила его кашей через решетку и знала, что утром его не будет. Сегодня он был жив, и я не знала, что с этим делать. Я не привыкла лечить. Я привыкла отнимать. Между этими двумя ремеслами не было моста, и я стояла на середине, и под ногами у меня не было камня. Только узкая лечебная, сестра в кухне, Степан на столе и новая буква на пальце, которую я еще не записала углем в свой тайный лист.

Тая вернулась с углем, прижатым к внутренней стороне запястья, и с моей тетрадкой, забытой вчера на подоконнике в гостевой. Уголь был кухонный, мягкий, оставлял жирный серый след, и я тут же переписала новую букву с пальца на бумагу. Получилось криво: длинная нижняя черта уходила вниз, как хвост. Если это была буква, то из его тайных приказов, из тех, что Радан не показывал совету. Если это была не буква, то метка, и тогда договор чести работал через мою кожу жестче, чем я думала.

— Риана, — сказала Тая, и я услышала, как у нее сел голос. — Там за дверью стоит Исса Даль. Стража ее не пускает, но она громко говорит, что заложница чести не имеет права входить в лечебную палату без разрешения ключницы.

Я не повернула головы. Я держала руку Степана и чувствовала под ладонью его пульс, и пульс был ровный, и от этого мне было стыдно за вчерашний вечер, когда я отдала ленту из косы его дочери, как будто уже хоронила. Дочь Степана Роева жила у тетки в Заречье, и я несла ей ленту как весточку, а теперь лента лежала в моем саквояже, и Степан был жив, и лента снова становилась просто лентой.

— Пусть войдет, — сказала я негромко. — В присутствии сестры и раненого.

Тая выглянула, кивнула кому-то в коридоре, и Исса Даль вошла. На ней было серое платье с высоким воротом, нитка фамильного жемчуга на шее, перчатки из тонкой кожи, которые она не сняла. Она посмотрела на меня, на мою ладонь на груди Степана, на кровь у меня на пальцах, и я увидела, как у нее дрогнул угол рта. Не от жалости. От расчета.

— Заложница, — сказала она мягко, и это слово она произносила так, как будто пробовала его на вкус. — Вы лечите моего будущего подданного.

— Я лечу человека, идущего по моему реестру, — ответила я. — Вашего или не вашего, мне не интересно. И он не подданный, он осужденный.

— Он мой, — сказала Исса, и в голосе у нее прорезался металл. — Он сидит в каземате моего жениха, и казнь его числится за моим женихом, и я имею право знать, кто его лечит и зачем.

— Вы невеста, — ответила я, не повышая голоса. — Не жена. По договору о северных субсидиях у вас нет прав на казематы командора. По договору долга и чести, подписанному мной, у меня есть право входить в лечебную палату и лечить тех, кто идет по моему реестру. Ваш жених подписал этот договор собственноручно.

Исса посмотрела на меня долго, потом на Степана, потом снова на меня. Я видела, как она считает в уме: жемчуг, платье, казначей, отец, северные субсидии, командорский ремень, который она уже считала своим. Я держала руку на чужой груди и не отводила глаз. Тая у меня за спиной переступила с ноги на ногу, и я услышала, как у нее скрипнула половица.

— Я подам жалобу в совет, — сказала Исса ровно. — На заложницу, которая входит в лечебную палату без ключницы, и на командора, который это позволяет.

— Подайте, — ответила я. — Совету будет интересно узнать, что невеста командора считает казематы своими до брака. И что невеста командора не знает устава гильдии, по которому палач лечит идущих в реестре без разрешения ключницы.

Исса выпрямилась. Она надела перчатки плотнее, поправила жемчуг на шее, посмотрела на Степана еще раз, и я увидела, как в ее глазах мелькнула тень. Не жалость. Узнавание. Она знала, кто такой Степан Роев. Может, не по имени, но по должности: мелкий чиновник из казначейства, через которого шли платежи северным субсидиям. Если он заговорит, если его вылечат и выведут из каземата, он мог назвать имена, которые ее отцу не понравятся.

Она вышла, не попрощавшись. Дверь закрылась, и я услышала, как в коридоре зашептались стражники. Я вернулась к Степану, проверила повязку. Бинт держался, кровь почти не шла, и Степан впервые за утро посмотрел мне в лицо. У него были серые глаза и обветренные губы, и я подумала, что у него, наверное, есть дочь моего возраста, и эта дочь ждет отца домой, и я вчера отдала ленту для этой дочери, и теперь лента лежит у меня в саквояже, и отец жив, и лента — просто лента.

— Кто тебя так? — спросила я снова, тише.

— Она знает, — ответил он одними губами. — Дочь казначея. Она знает, через кого шли платежи.

Я кивнула. Я не стала записывать. Не при свидетелях, не на бумаге, не в лечебной, где у двери стоит стража, а в коридоре ходит невеста командора. Я только прижала ладонь к его лбу, проверила жар, и жар был небольшой, и это была хорошая новость, и плохая новость была в том, что теперь я знала слишком много для человека, у которого нет ни маски, ни кинжала, ни права выйти за ворота без подписи Варга Седого.

Тая подошла ко мне, тронула за плечо, и я увидела, что у нее в руке снова мокрая тряпка. Кровь не пошла, тряпка была чистой, и сестра просто стояла рядом, и это было ровно столько помощи, сколько я могла принять сегодня утром, не сломавшись.

Я прижала мокрую тряпку ко лбу Степана и почувствовала, как у меня под ребрами что-то сжалось в тугий узел. Не страх. Привычка. Когда тело больного теплеет под твоей ладонью, ты уже считаешь, сколько часов ему осталось, и перестаешь ждать чуда. Но Степан не был в моем реестре на сегодня. Его имя стояло через две строки ниже, и между ним и плахой были еще трое, и это означало, что у меня есть время. Маленькое, грязное, пахнущее кровью и лечебной мазью время, но оно было.

Тая все еще стояла у моего плеча, и я слышала, как она дышит ровно, но слишком часто. Сестра всегда так дышала, когда боялась, что я сорвусь. Я не сорвусь. Я перевязала Степану плечо чистым бинтом, затянула узел зубами, проверила, держит ли повязка, и только потом выпрямилась. В коридоре за дверью по-прежнему шептались стражники, и среди их голосов я уловила один, от которого у меня свело живот. Низкий, ровный, с той особенной паузой после каждого слова, которая означала приказ. Радан.

Дверь открылась без стука. Он вошел так, как входят в собственную лечебную: не глядя на раненого, не глядя на сестру, глядя только на меня. На нем был тот же мундир, что утром, но ремень висел криво, и я впервые увидела, что пряжка расстегнута. Радан никогда не расстегивал пряжку в присутствии чужих. Это значило, что он пришел не как командор. Он пришел как человек, которому нужно было что-то сказать мне до того, как об этом узнает Исса.

— Выйди, — сказал он Тае, не повышая голоса.

Тая посмотрела на меня, и я кивнула. Сестра вышла, прижимая к груди мокрую тряпку, и дверь за ней закрылась, и в лечебной остались только я, Радан и Степан на столе, который был слишком узок для взрослого мужчины. Степан не шевелился. Я не знала, слышал ли он вообще, что сюда вошел тот, кто подписал ему приговор.

Радан остановился в двух шагах от меня. Я почувствовала запах его плаща: мокрая шерсть, холодный металл, и под ними что-то, чему я не хотела называть имени. Он пришел пешком через двор, под дождем, без стражи. Он пришел один.

— Ты слышала, что сказала Исса, — сказал он. Это был не вопрос.

— Я слышала, что она подаст жалобу в совет, — ответила я. — На заложницу, которая входит в лечебную без ключницы. И на командора, который это позволяет.

Радан чуть двинул челюстью. Я знала эту его привычку: когда он хотел сказать что-то жесткое, но не мог себе позволить. Я ждала. Он молчал, и в этом молчании я услышала больше, чем в любом его приказе за все утро.

— Я не позволю ей войти в каземат, — сказал он наконец. — Это не ее право. Не сейчас.

— А когда будет ее право? — спросила я, и собственный голос показался мне чужим. — После свадьбы? После того, как совет снимет с тебя подозрение и ты снова наденешь ремень как следует?

Он не ответил. Он смотрел на мою руку, и я опустила глаза и увидела то, что он увидел: на пальцах у меня была его кровь, под ногтями засохла чужая, и между ними, на среднем пальце правой руки, проступала третья буква. Маленькая, кривая, похожая на рогатую Е. Я почувствовала, как у меня похолодели кончики пальцев. Я не знала этой буквы. Я не знала, чье это имя. Я только знала, что оно идет из его тайных приказов, из тех, что он не показывал совету, и теперь оно проступало на мне по одной букве за ночь, и до сих пор я видела только Л и А, а теперь к ним добавилась эта, третья, и договор чести работал через мою кожу жестче, чем любой допрос.

Радан сделал шаг ко мне. Я не отступила. Я стояла между ним и столом, на котором лежал человек, чью кровь я только что вытирала с его виска, и это было неправильное место для того, что он хотел сделать, и он это знал. Он остановился так близко, что я чувствовала тепло его груди через мокрый плащ.

— Покажи руку, — сказал он тихо.

— Нет, — ответила я.

— Это не просьба.

— Я и не думала, что ты умеешь просить.

Он поднял руку и остановился в воздухе между нами, не касаясь меня. Я видела, как у него дрогнули пальцы. Он считал это победой, каждое такое движение, пока я не отнимала руку, но я не отняла, и он не коснулся, и мы простояли так целую минуту, и за эту минуту

Степан на столе сделал один ровный вдох, и где-то в коридоре зашептались громче, и я услышала, как в лечебную вошла Марта, остановилась у двери и молча смотрит на нас.

— Командор, — сказала ключница ровно, и в ее голосе было столько льда, что я удивилась, как он не тает на ее губах. — Заложнице пора в гостевую. У нее после обеда три свидетеля, и она не может принимать их здесь.

Радан опустил руку. Он посмотрел на меня в последний раз, и я увидела в его глазах что-то, чему я отказывалась верить. Не вину. Не злость. Что-то похожее на то, что человек чувствует, когда понимает, что его поступок уже стоил кому-то слишком дорого и обратного хода нет.

Он вышел. Марта подошла ко мне, подала чистый платок, и я вытерла руки, и платок стал серым от чужой крови и мази, и я скомкала его и сунула в карман, и третья буква на пальце горела под кожей, и я знала, что вечером, когда стемнеет, она проступит четче, и я снова перепишу ее углем в свой тайный лист, и завтра Радан будет знать, что я не забыла.

Я не пошла в гостевую сразу. Я задержалась у двери лечебной, потому что нужно было убрать за собой кровь. Брин когда-то учил меня этому жесту: кто бы ни вошел после тебя, он не должен видеть, что здесь было грязно. Я собрала бинты в оловянный таз, смыла остатки мази с рук над тазом, и вода стала серой, как утренний туман над плацом. Тая подала мне чистую тряпку, и я вытерла пальцы, и тряпка пахла лавандой и дымом, и я подумала, что сестра уже знает, чем пахнет дом командора, и от этого стало больнее, чем от самой крови.

Марта ждала в коридоре. Она не вошла, не позвала, просто стояла, и в тусклом свете факела ее лицо казалось вырезанным из того же дерева, что и ключи на ее поясе. Я подошла, и ключница молча пошла рядом, и наши шаги звучали в тишине как один.

— Степан выживет до утра, — сказала я.

— Это не мое дело, — ответила Марта. — Мое дело, чтобы ты была в своей комнате, когда придет твой первый свидетель.

— Мой свидетель придет через два часа, — ответила я. — И у меня в комнате три стула и стол. Этого хватит.

Марта не возразила. Она только чуть прибавила шагу, и я поняла, что она торопится не потому, что я опоздаю, а потому, что она не хочет, чтобы меня видели в коридоре гостевого крыла рядом с лечебной. Заложница чести, которая только что перевязывала раненого стражника, — это слух. Заложница чести, которую ведут в комнату под руку с ключницей, — это уже жалоба в совет.

Мы дошли до моей двери, и Марта отперла ее своим ключом, и я вошла, и комната была пуста, и на стуле у окна лежала записка. Не сложенная, просто лист, прижатый печатью. Печать была незнакомая: маленький дракон с обрезанным хвостом, такая же, как черная палочка-печать, которую Радан возил с собой для тайных приказов. У меня перехватило горло. Записка была от Радана, но он не мог оставить ее открыто. Это значило, что он знал: в доме есть кто-то, кто читает чужие бумаги, и этот кто-то мог зайти в мою комнату.

Я подняла лист. Почерк был его, я уже знала его руку по подписям в реестре. Всего две строки: «Прости, что втянул тебя в это. Завтра я пришлю Илью с бумагой. Сегодня ночью не снимай перчатки». Я перечитала записку дважды, потом положила на стол и прижала ладонью. Перчатки. У меня не было перчаток. Заложнице чести не полагалось перчаток, и Радан это знал. Он написал это не для того, чтобы я надела. Он написал это для того, чтобы кто-то, кто прочтет записку после него, подумал, что я должна их надеть, и не понял, зачем.

Я спрятала лист под половицу, рядом с реестром и монетами и кинжалом. Потом села на кровать и стянула с правой руки мокрую тряпку, которой перевязывала Степана. Третья буква на среднем пальце проступила четче, чем утром. Маленькая, кривая, похожая на рогатую Е. Я достала из-под половицы уголек и переписала букву в тайный лист, под теми двумя, что проявились вчера. Л. А. Е. Три буквы, и ни одного целого имени, и каждая ночь добавляла

новую, и я не знала, чье это имя и зачем оно идет через мою кожу, и от этого руки стали холодными.

Бинт упал на пол, и Тая подняла его, не дожидаясь приказа. Я затянула узел на груди Степана, проверила, как сидит повязка под ключицей, и опустила рубаху обратно, расправив ткань по шву. Степан смотрел в потолок. Он не моргал, и это было хуже, чем кровь.

— Степан, — позвала я. — Степан, посмотри на меня.

Он повернул голову медленно, как будто шея была чужая.

— Ты жив, — сказала я. — Ты не на плахе. Ты в лечебной. Лежи ровно.

Он сглотнул. Под кадыком прошло судорожное движение, и я положила ладонь ему на плечо, поверх мокрого бинта.

— Кто тебя ножом? — повторила я. — Ты знаешь.

— Не помню, — прошептал он. — Маска... без гильдейской печати.

Я убрала руку. В лечебной стало тихо, как в каземате перед выводом. Маска без печати. В гильдейском уставе это значило ровно одно: подделка. Кто-то вошел к приговоренному в личине палача, без знака гильдии, без права казни, и кольнул его. Не убил. Кольнул. Чтобы я не узнала его лица. Чтобы он не дожил до утра и не заговорил.

— Тая, — сказала я, не оборачиваясь. — Принеси Марту. Бегом, не стой.

Тая выскочила за дверь, и я услышала, как ее босые пятки стукнули по камню. Степан снова смотрел в потолок, и под ключицей у него проступила капля крови, не алая, темная. Шов держал, но натянулся.

Я села на табурет у стола, достала из кармана фартука уголек и маленький клочок пергамента, который всегда носила с собой для коротких записей. На клочке я быстро написала три строки: «маска без печати», «нож в каземате после моего ухода», «Степан жив, говорить не хочет». Подписала «Р.». Свернула трубкой.

Вернулась Тая, и за ней Марта, и Марта была уже без ключей, и это означало, что она пришла не как ключница, а как человек.

— Марта, — сказала я, вставая. — В лечебной оставаться нельзя. Если придут с обыском, его найдут. Живым. Это будет хуже, чем плаха. Переведешь его в комнату масок, в среднюю нишу, за мокрой рогожей. Там его никто искать не станет, туда бояться заходить.

Марта посмотрела на меня долго, и я не отвела взгляд. Она знала, что я говорю правду, и знала, что правда ей не нравится.

— Если я его уведу, — сказала она, — и если его там найдут, уведут меня.

— Если его здесь найдут, — ответила я, — уведут нас троих. И меня посадят в казематы рядом с ним. И я перестану быть заложницей чести, потому что заложница, в которой сидит живой свидетель, это уже улика, а не гостья.

Марта кивнула. Один раз. Она подошла к столу, взяла Степана под здоровую руку и подняла его, и он встал, шатаясь, и прижал ладонь к повязке. Кровь проступила сквозь бинт, и Тая охнула, и я шикнула на нее.

Писец поднял перо. — Тая, — сказала я, — бери его за плечи. Марта — за ноги. Идете тихо. Если встретите Варга, скажете, что ведете раненого в нижнюю караулку. Если встретите Ису, скажете, что ведете раненого в баню. Вранье выбирайте по тому, кто ближе стоит.

Они вышли. Степан оглянулся на пороге, и я показала ему глазами: молчи. Он отвернулся.

Я осталась одна в лечебной. На столе осталась мокрая тряпка, бинт с ржавым пятном и клочок пергамента, который я не отдала. Я положила его на грудь Степана, под повязку, и теперь он ушел с моей запиской. Если его найдут, найдут и записку. Если записку найдут без него, она ничего не докажет.

Я вымыла руки в тазу. Вода была ледяная, и под ногтями остался черный уголь. Я посмотрела на средний палец правой руки. Третья буква была на месте, кривая, похожая на рогатую Е, и кожа вокруг нее покраснела. Я сжала пальцы в кулак, и буква спряталась под костяшкой.

Из коридора пахло холодным камнем и дымом. Шаги были тяжелые, одиночные, без сопровождения стражи. Я узнала их по звуку, прежде чем дверь открылась. Радан вошел без стука, и на нем была серая рубаха, и волосы мокрые от дождя, и он посмотрел на пустой стол, и я увидела, как у него дрогнула скула.

— Где он? — спросил Радан. Голос был ровный, но нижняя губа чуть отстала от верхней.

— В безопасности, — ответила я. — На время.

Он сделал шаг к столу и остановился. На столе лежал бинт с ржавым пятном и таз с розовой водой. Он посмотрел на таз, потом на меня, и я поняла, что он считает в уме, как я его учила в долговой книге.

— Его перевязали в каземате до того, как ты пришла, — сказал он. — Кто-то заходил в казематы после полуночи.

— В маске без гильдейской печати, — сказала я. — Степан сказал. Я записала.

Я показала ему свой палец, и он увидел третью букву, и у него сузились глаза. Он знал, что значат буквы. Он не знал, что они идут через мою кожу, потому что я ему не говорила. Он догадывался. Я видела по тому, как он смотрел на мою руку, как на дверь, за которой кто-то стоит.

— Тебе нужна охрана, — сказал он.

— Мне нужна твоя подпись, — ответила я. — Под протоколом осмотра каземата. Сейчас, при мне и при Брине. Если ты подпишешь, что осмотр был, совет не сможет сказать, что я выдумала маску без печати. Если не подпишешь, совет скажет, что я вру, чтобы прикрыть собственную небрежность.

Он смотрел на меня. Я видела, как он перебирает в голове варианты, и каждый вариант был хуже предыдущего. Если он подпишет, он подтвердит, что в его казематах орудует чужая маска. Если не подпишет, меня обвинят в том, что я выдумала историю.

— Где Брин? — спросила я.

— В подвале, — ответил он. — У комнаты масок.

— Позови его, — сказала я. — И принеси лист. Я напишу протокол сама, твоим почерком, чтобы совет не сказал, что подделка. Подпишешь, где я покажу. И печать дракона без хвоста, у тебя в кармане, я знаю.

Он не двинулся. Он смотрел на мою правую руку, и я поняла, что он не решает про протокол. Он решает про другое. Про то, что моя кожа пишет его вину, пока он спит в соседней комнате. Про то, что я это знаю. Про то, что я ему этого не простила.

— Бумага, — повторила я. — Радан. Бумага.

Он моргнул. Вышел. Я слышала его шаги по коридору, и они были не такие ровные, как обычно. Он почти бежал.

Я осталась в лечебной одна, села на табурет Степана, и в тазу на дне осел розовый сгусток. Я подумала, что если Радан не вернется через четверть часа, я пойду к Брину сама, без его подписи, и поставлю свою печать, материнскую, с вензелем, и пусть совет объясняет, почему печать палачихи важнее печати дракона.

Вернулся он через десять минут. С листом, с чернильницей, с Брином за спиной. Брин держал ключ от комнаты масок и смотрел на меня так, будто я ему должна была остаться должна. Радан положил лист на стол, и я взяла его перо, и написала протокол его рукой, потому что за три ночи в долговой книге я выучила его наклон. Я писала: «Число. Лечебная палата. Осмотр раненого Степана Роева. Установлено: нападение в каземате после полуночи, лицом в маске без гильдейской печати. Ранение не смертельное. Свидетели: палачиха Риана Веш, ключник Брин Ушастый». Подписала его именем. Показала ему место для подписи.

Он подписал. Медленно, с нажимом на втором слоге, как будто хотел вдавить чернила в пергамент. Брин поставил свою печать, маленькую, тюремную, с совой. Я свернула лист, сунула за пазуху, под шнурок с печатью матери, и там уже лежала записка Радана про перчатки, и теперь их было две, и обе жгли кожу.

— Степан в комнате масок, — сказала я Радану. — За мокрой рогожей, в средней нише. Если его там найдут, уведут меня. Если меня уведут, реестр останется у тебя. Если реестр останется у тебя, совет проиграет.

Он смотрел на меня, и я видела, что он хочет сказать что-то про руку, про букву, про то, что он не спал три ночи, и каждую ночь кожа на моем пальце писала его имя. Он не сказал. Он кивнул и вышел, и Брин вышел за ним, и в лечебной стало тихо, и я села обратно на табурет, и положила грязные руки на колени, и ждала, пока вернется Тая.

Она вернулась через полчаса, босая, с мокрым подолом, и сказала, что Марта уложила Степана за рогожей, и что он молчит, и что кровь больше не идет. Я кивнула и велела ей идти на кухню и съесть миску каши, и она не стала спорить, и это было хуже всего, потому что Тая спорит всегда.

Я осталась в лечебной одна. На столе лежал бинт с ржавым пятном, и таз с розовой водой, и я подумала, что если завтра Степан заговорит, совет получит живого свидетеля. Если не заговорит, совет получит труп. Если труп, я перестану быть заложницей чести, потому что заложница, в казематах которой лежит чужой мертвец, это уже обвиняемая. Если заговорит, я перестану быть палачихой, потому что палачиха, из-за которой остался жить свидетель, это уже свидетельница против дома.

Я зажмурилась. Под веками стояла розовая вода, и в ней отражалась третья буква, кривая, похожая на рогатую Е. Я открыла глаза, вымыла таз, вытерла стол, выбросила бинт в печь. Потом вернулась к себе, и на стуле у окна лежала записка, и печать на ней была маленький дракон с обрезанным хвостом, и я знала, что Радан знает, и что я знаю, и что мы оба делаем вид, что не знаем.

Я подняла лист.

Лечебная палата пахла корой и старым деревом, и я не сразу поняла, что этот запах я теперь буду узнавать из-за двери. Тая сидела на табурете у стены, обхватив колени, и смотрела, как я пересчитываю бинты. Я не пересчитывала. Я не могла сосчитать, сколько раз за ночь на моем пальце проступила новая буква, и от этого руки дрожали, и бинт путался в пальцах.

Радан не перебил. — Тая, — сказала я тихо. — Сядь ровно. Иди сюда, помоги мне.

Она подошла, встала рядом, положила ладонь мне на плечо. Ладонь была теплая, кухонная, с мозолью от ножа. Я накрыла ее своей и сжала, коротко, один раз. Она не отняла. Это значило, что она больше не боится моих рук, и от этого у меня защипало в носу, и я отвернулась к столу.

— Слушай меня, — сказала я. — Сейчас придет Радан. Не командор. Радан. Он придет не как начальник, а как человек, который три ночи подряд спал у двери моей комнаты и не вошел. Если он войдет, ты выйдешь. Если он не войдет, ты останешься. В обоих случаях ты не смотришь ему в глаза и не отвечаешь ни на какие вопросы. Ты посудомойка, ты пришла за грязной посудой, ты не слышала ни слова. Поняла?

— Поняла, — сказала она. — А если он меня выгонит?

— Не выгонит. Он тебя не тронет. Я его знаю три ночи, этого хватит.

Она кивнула и села обратно на табурет, и я снова осталась одна у стола, и запах коры стоял вокруг, как чужая юрта.

Дверь открылась без стука. Это был не Радан. Это был Брин Ушастый, с совой на груди, с мокрыми рукавами, с ключом на поясе. Он посмотрел на меня, потом на Таю, потом снова на меня, и сказал негромко:

— Степана нашли.

— Где, — спросила я.

— В каземате, у второй решетки. Он лежал, головой к стене. Живой. Кровь на полу, но он живой. Я его обыскал, ничего при нем нет, кроме ленты. Твоей ленты, из косы.

Я положила бинт на стол. Лента из моей косы была у меня в кармане, я отдала ее Степану вчера, для его дочери, и эта лента сейчас лежала у мертвого, который был жив, и я не знала, что из этого хуже.

— Кто его видел, — спросила я.

— Я. И двое стражников у входа, смена Варга. Они стояли на посту всю ночь и ничего не слышали. Я им верю, они мои люди. Крови на их сапогах нет.

— Уведи его в комнату масок, — сказала я. — За мокрую рогожу, в среднюю нишу. Там сейчас пусто, я проверяла утром. Положи его на тряпки, укрой, не раздевай. Если он очнется, не давай ему пить, только смочи губы. Если не очнется до света, давай знать через Север.

— Север спит, — сказал Брин.

— Разбуди. Он не ребенок, он ученик палачихи. Он знает, что будить ночью — это не грех.

Брин кивнул и вышел, и в коридоре послышались его шаги, тяжелые, тюремные. Тая подняла голову.

— Риана, — сказала она. — Ты его спасла.

— Я его не спасала, — ответила я. — Я его перевязала. Спас его тот, кто его не добил.

— А кто его не добил?

— Тот, кому нужна живая лента из косы палачихи. Не спрашивай. Если узнаю, скажу тебе первой.

Она снова кивнула, и я увидела, что она верит, и от этого стало тяжелее, потому что мне нечем было платить за эту веру, кроме правды, а правды у меня еще не было.

В дверь постучали. Два раза, с паузой. Так стучат моими костяшками, когда хотят войти без ключа. Я сказала Тае «в угол», и она послушно отошла к стене, и я пошла к двери, и за ней стоял Радан. Без мундира, без ремня, в простой серой рубаше, волосы мокрые от дождя, и он смотрел на меня, и я видела, что он не спал, и что он знает про Степана, и что он пришел не командовать, а стоять в коридоре и ждать, пока я его введу или не введу.

— Зайди, — сказала я.

Он вошел, и Тая вышла, и мы остались одни в палате, где пахло корой и старым деревом, и на столе лежал бинт с ржавым пятном, и мой средний палец правой руки под тряпкой горел третьей буквой, и я знала, что он знает, и он знал, что я знаю, и мы оба молчали об этом, потому что говорить вслух значило признать, что между нами есть что-то кроме договора.

— Степан в комнате масок, — сказала я. — За мокрой рогожей, в средней нише. Если его там найдут, уведут меня. Если меня уведут, реестр останется у тебя. Если реестр останется у тебя, совет проиграет.

Он смотрел на меня, и я видела, что он хочет сказать что-то про руку, про букву, про то, что он не спал три ночи, и каждую ночь кожа на моем пальце писала его имя. Он не сказал. Он кивнул и вышел, и я осталась одна у стола, и запах коры стоял вокруг, как чужая юрта, и я зажмурилась, и под веками стояла розовая вода, и в ней отражалась третья буква, кривая, похожая на рогатую Е.

В дверь постучали. Негромко, два раза, с паузой. Так стучит Илья, когда приносит бумаги. Я подошла, не снимая тряпки с пальца, и открыла. На пороге стоял Север, а за его спиной, в коридоре, я увидела Радана. Не в мундире, без ремня, в простой серой рубаше, и волосы мокрые от дождя, и он смотрел на меня так, будто хотел войти, но знал, что нельзя. Север протянул мне конверт с печатью башни печатей, и я взяла его, и в этот момент третья буква на моем пальце дернулась, как живая, и я втянула воздух сквозь зубы, и Радан увидел. Он всегда видел.

— Зайди, — сказала я Северу, не глядя на Радана.

Мальчик вошел, и я закрыла дверь, и в коридоре за ней остался командор, который три ночи подряд приносил мне свою вину по одной букве, и ни разу не попросил войти.

Глава 5. Печать на ладони

Я закатала рукав и увидела третью букву. Под тряпкой, на сгибе левого запястья, проступила тонкая красная линия - похожая на ожог от утюга, только кожа вокруг оставалась холодной. Уголок, потом короткая палочка, потом завиток. К третьему утру в чужом доме я знала уже две буквы: Л и А. Теперь добавилась Р. Имя собиралось медленно, как будто кто-то писал его невидимым пером по моей коже, и каждое прикосновение пера оставляло ожог.

В конторе писаря пахло сургучом и старой бумагой. На столе у окна лежала желтая перчатка, которую я заметила еще вчера. Я взяла ее двумя пальцами, повернула. Кожа, мужская, правая, размер большой. На внутренней стороне у запястья - выжженный знак гильдии, но старый, с трещиной по краям. Не моя. Не Брина. Чья-то чужая, кто имел право входить в подвал и прикасаться к моей маске.

Я завернула перчатку в чистую тряпицу и сунула в саквояж, под вырезку из реестра. Теперь у меня было две улики: перчатка и клочок бумаги с вырезанным именем Марко Вейна. Если совет спросит, почему я отказываюсь свидетельствовать против командора, у меня будет ответ: потому что я нашла след того, кто подделал реестр и носил личину палача без гильдейской печати. Этот след вел не к Радану.

Дверь конторы открылась без стука. Варг Седой вошел тяжело, как человек, который не спал всю ночь. Он положил на стол медную монету - не плату за казнь, а жетон стражи. Знак того, что меня вызывают.

- Ларва Тень, - сказал он коротко. - Ждет в малой зале. С двумя писарями. Хочет видеть ваш реестр.

- Я не приносила реестра.

- Знаю. Поэтому он ждет вас, а не идет к вам сам.

Я посмотрела на жетон, потом на свои руки. Левая запястье горело под тряпкой. Три буквы за три ночи. Имя собиралось по одной, и я не знала, чье оно. Это мог быть Марко Вейн. Это мог быть кто-то из семнадцати подписей Радана под словом казнь. Это мог быть офицер, которого совет уже записал в расходный список.

Я застегнула саквояж и встала.

В малой зале, за тем самым дубовым столом, который я заказала вчера в кухне, сидел Ларва Тень. Он был одет в серое, как всегда, - цвет тайной канцелярии, цвет пыли на старых делах. Перед ним лежали две серые тетради и печать совета. Двое писарей сидели по бокам, опустив глаза.

Ларва поднял голову и посмотрел на меня так, будто я была бумагой, которую он собирался подшить к делу.

- Риана Веш, - сказал он. - Заложница чести по дому Кейла. Свидетельница по делу об измене командора северной стражи. Вы отказались дать показания под присягой. Я здесь, чтобы предложить вам другой выход.

Я села напротив, положив саквояж на колени.

- Какой.

- Вы передаете мне свой реестр казней за три года. Я сверяю его с башней печатей. Если расхождений нет, совет закрывает дело об измене в части, касающейся ваших показаний. Вы остаетесь в доме как заложница, но без статуса свидетельницы.

- А если расхождения есть?

- Тогда совет получает право вызвать вас на публичный допрос. С именами. С датами. С теми, кого вы вели на плаху и кого в реестре нет.

Я молчала. Под тряпкой на запястье пульсировала третья буква. Имя, которое проступало на моей коже по ночам, было спрятано где-то в этих тетрадах. Или в тех, которых у меня не было.

- Я хочу видеть полный архив командора, - сказала я. - Книгу приказов за пять лет. Книгу тайных приказов. И письма Радана к короне.

Ларва улыбнулся. Улыбка у него была мягкая, как у человека, который привык получать то, что хочет, не повышая голоса.

- Письма к короне не входят в дело об измене.

- Входят, если командор просил о помиловании того, кого потом казнили по его же приговору.

Писарь слева поднял голову и тут же опустил. Ларва перестал улыбаться.

- Откуда вы знаете о письмах.

- Потому что я их видела. Подлинник. С его рукой. С отказом совета на полях.

Тишина в малой зале стала другой. Ларва положил ладонь на серую тетрадь, будто боялся, что она уйдет сама.

- Это меняет дело, - сказал он тихо. - Но не в вашу пользу, Риана Веш. Если вы видели подлинник, значит, вы были в кабинете командора без свидетелей. Это нарушение договора.

Я растегнула саквояж и достала желтую перчатку. Положила на стол между нами.

- Нарушение договора было с другой стороны. Кто-то в этом доме носил маску палача без гильдейской печати. Эта перчатка лежала в конторе писаря, где ей быть не положено. Я требую, чтобы совет провел проверку дома.

Ларва посмотрел на перчатку. Потом на меня. Потом снова на перчатку.

- Пятница, - сказал он наконец. - Вы получите доступ к архиву в пятницу. При двух свидетелях. Перчатку я забираю.

- Нет.

- Риана Веш.

- Перчатка остается у меня. Это вещественное доказательство, найденное заложницей чести. Я передам его совету в пятницу лично, под протокол.

Он встал. Писарь справа захлопнул тетрадь. Дверь открылась и закрылась. Я осталась одна за дубовым столом, с саквояжем на коленях и тремя буквами под тряпкой.

Л, А, Р. Завтра будет четвертая. Имя проступит целиком, и я узнаю, кого Радан Кейл отправил на плаху до меня.

Я спрятала желтую перчатку обратно в саквояж, застегнула пряжку и положила ладонь на крышку. Кожа под тряпкой пульсировала ровно, как маленький уголек, который кто-то забыл загасить. Три буквы за три ночи. Л, А, Р. Завтра будет четвертая, и имя проступит целиком, и я буду знать, кого он отправил на плаху до меня.

В коридоре пахло холодным камнем и подгоревшей кашей. Мимо пробежала Тая с ведром помоев, увидела меня и притормозила, не здороваясь, а просто задержав дыхание. Потом выдохнула, подобрала юбку и пошла дальше. На моем саквояже она остановила взгляд и тут же отвела. Кто-то из кухонных ей уже сказал, чей это саквояж. Или она сама догадалась по запаху крови и извести.

Я поднялась в гостевую, закрыла дверь на засов, опустила щеколду. В комнате было холодно. Окно выходило на север, и к полудню туда только-только пробивался свет. Я достала из-под подушки кожаную тетрадь, раскрыла на чистой странице, пододвинула уголь и перерисовала третью букву. Линия легла криво, потому что рука дрожала. Не от холода. От того, что я снова видела, как он писал это имя в реестре четыре года назад, выводя «Р» с длинным хвостом, потому что у него было красивое, ровное, убийственное почерк.

В дверь постучали. Не как Варг - он стучал кулаком, громко, нетерпеливо. Это стучали костяшками, осторожно, один раз. Север.

- Открыто, - сказала я.

Он вошел тихо, как мышь. Двенадцать лет, худые плечи, руки по локоть в чернилах, на щеке след от пера. Постоял у порога, не решаясь сесть.

- Варг велел передать. - Он протянул сложенный вчетверо листок. - Подпись.

Я взяла. На листе стояла его подпись и дата - восьмой колокол сегодняшнего дня. Ниже, другим почерком, приписка Бриана: «По приказу капитана - заложница чести Риана Веш не выходит из гостевой после восьмого колокола без разрешения стражи и печати капитана». Теперь у меня на руках была бумага, по которой Ларва мог доказать, что я в этом доме пленница. По крайней мере, по ночам.

- Садись, - сказала я Северу.

Он сел на краешек стула, выпрямив спину. Я достала из саквояжа клочок бумаги с вырезанным именем Марко Вейна и положила перед ним.

- Видел такую бумагу?

Он покачал головой, потом остановился и кивнул. Глаза у него стали большие, темные.

- Видел. У Ильи. Он прятал в столе под замком. Две недели назад я заметил, что у него новый замок.

- Ты не сказал мне.

- Я думал, это его личное. У писаря много личного.

Я переписала его слова в тетрадь, поставила дату. Илья прятал клочок с вырезанным именем. Илья носил, возможно, желтую перчатку. Илья был в конторе один. Илья уходил с моей маской в подвал и возвращался без нее.

- Север. - Я наклонилась к нему, заставляя смотреть мне в глаза. - Если я завтра не вернусь с совета, ты отнесешь эту тетрадь Мире Соль. Не Илье. Не Брину. Только Мире. Понял?

Он сглотнул, но кивнул. Я свернула тетрадь, обвязала шнурком, отдала ему.

- Иди спать. Утром мы идем на плаху.

Он встал и у двери обернулся.

- Маска... Риана... - Он запнулся. - А если он не придет завтра?

- Придет. Он подписал, он придет.

Север ушел. Я заперла дверь, задернула занавеску и легла на кровать, не снимая саквояжа. Запястье горело. Четвертая буква должна была проступить под утро, когда я проснусь. Я закрыла глаза и стала считать удары сердца, как считают медяки после казни, чтобы не сортировать по именам.

Я проснулась от собственного дыхания, слишком громкого в пустой комнате. Саквояж лежал рядом, ремень врезался в ребра. Я разжала руку, размотала тряпку на запястье и поднесла руку к серому свету окна.

Четвертая буква легла на кожу ночью, пока я спала. Еще одно «Е», с тем же длинным хвостом вправо. Л, А, Р, Е. Имя было почти собрано, оставалась одна гласная, и я уже знала какая, потому что четыре года назад чернилами по бумаге он выводил это имя с тем же убийственным почерком. ЛАРЕН. Лотар Ларен, капитан северной стражи, которого Радан Кейл отправил на плаху за два месяца до того, как я впервые надела маску.

Я знала его. Он носил с собой кисет с мятой, приговаривал «сегодня не казнят», когда шел мимо нашего крыла, улыбался конвоирам, будто они были его друзьями. Я кормила его перед казнью. Я держала его ладонь в своей через решетку. Я сняла с его шеи тонкий шнурок с медным медальоном и отдала его вдове через неделю, не сказав, откуда он у меня.

Он был первым, кого я не донесла до плахи как чужое имя, только как свое. Я ревела в подвале после его казни, сидя на каменном полу, пока Мира Соль молча ставила рядом кружку воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.